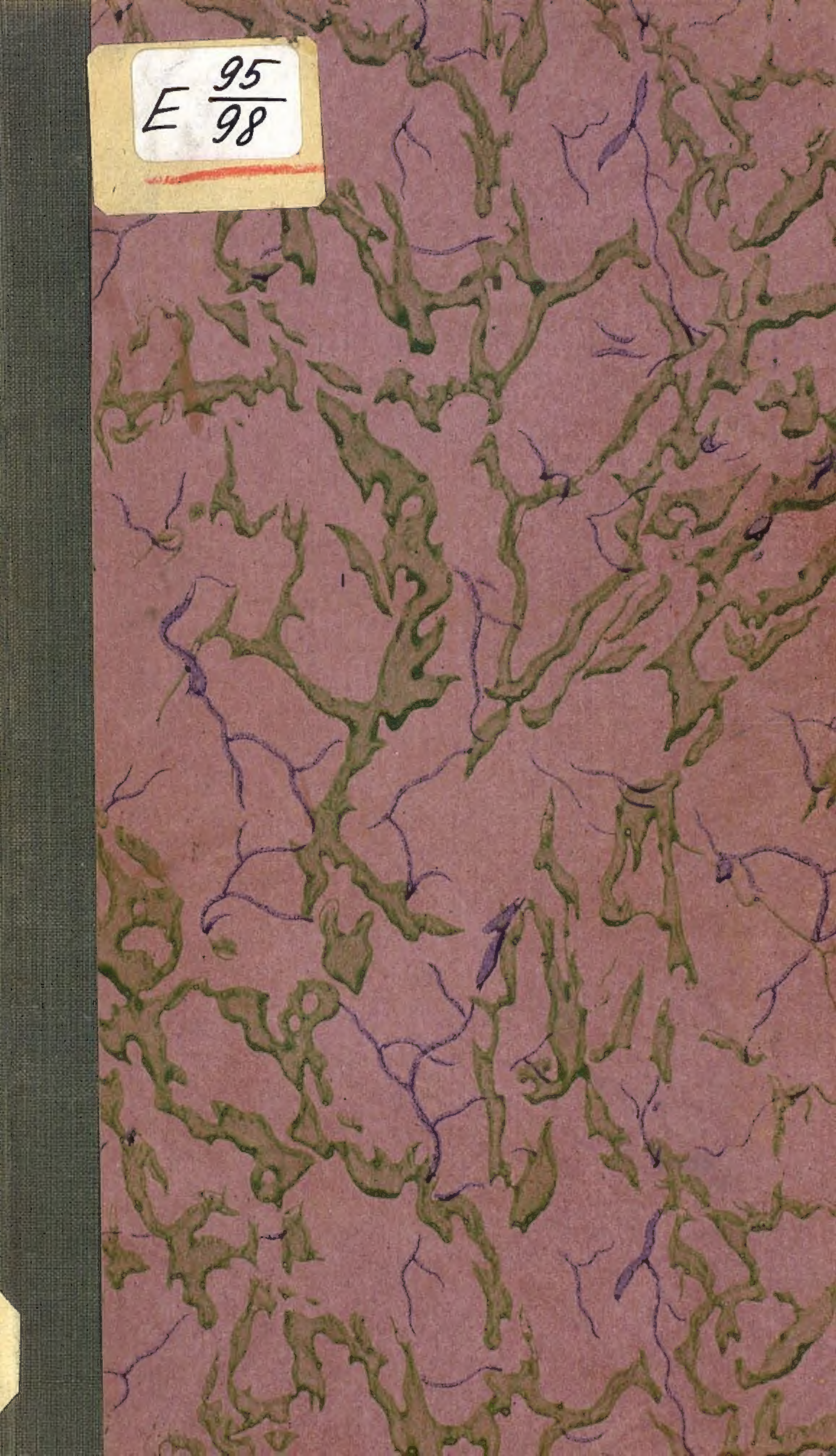

E 95/98

2007044051

ВОСПОМИНАНІЕ О ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛѢ ГРАФѢ ПЕТРѢ АЛЕКСАНДРОВИЧѢ РУМЯНЦЕВѢ-ЗАДУНАЙСКОМЪ.

—

Въ 1843 году, появилась «Исторія князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, генералиссимуса россійскихъ войскъ» — сочиненіе Н. А. Полеваго. Въ этой исторіи, безъ слѣдствія, приговорили, что генерал-фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій, герой Ларги и Кагула, предводитель русскихъ войскъ въ безсмертную кампанію 1770 и 1774 г., гордость русскаго оружія, — былъ почти ничтожный генералъ.

Современники, къ которымъ принадлежалъ и Фридрихъ-Великій, конечно, если не лучше, такъ столько же понимавшій военное дѣло, какъ и г. Полевой, и настоящее поколѣніе, бывшее и сущее, подъ знаменами, которыя прославлены побѣдами Румянцева, признавали его великимъ полководцемъ. Г. Полевой не таковъ: онъ, заключая въ себѣ потомство, судитъ строже. Эти потомственныя сужденія высказаны съ такою самоувѣренностью, съ такимъ диктаторскимъ тономъ, что больно читать всякому Русскому, которому дорога честь оружія и слава отечественныхъ полководцевъ. Но истина всего дороже; она должна идти впереди всѣхъ чувствъ человѣческихъ; предъ нею должны преклоняться народная гордость, исчезать слава, разоблачаться величіе, когда оно пріобрѣтено не дѣлами, достойными этого величія, не чувствами высокими и благородными, но дано лестію и невѣжествомъ.

Не пишу исторіи Румянцева — ее писать еще рано; но буду возражать г. Полевому противъ каждаго его обвиненія какъ умѣю, какъ понимаю дѣло, предоставляя суду каждаго вполнѣ его мнѣніе и мое возраженіе.

Въ началѣ г. Полевой говоритъ: «Русскія военныя лѣтописи XVIII «вѣка представляютъ намъ имена двухъ полководцевъ съ дарованіями «необыкновенными, знаменитыхъ побѣдами». — Потомъ слѣдуетъ ихъ сравненіе; въ окончаніи:

«Румянцевъ обладалъ многими преимуществами предъ Минихомъ: онъ былъ ученикъ Фридриха и Лаудона и измѣнилъ прежнюю тактику; находился въ битвахъ семилѣтней войны и былъ Русскій, обладая довѣренностію солдатъ,

испытанными въ бою послѣ семилѣтней войны (*). Важное облегченіе движеній, раздѣленіемъ огромныхъ каре на малыя и уничтоженіе рогатокъ (если только не Потемкину должно приписать отмѣну ихъ) (**) принадлежатъ ему. — Мужество въ бою, умѣнье распоряжаться при неудачѣ, искусство размѣщенія и продовольствія арміи были его неотъемлемыми свойствами; но Румянцевъ не постигъ образа настоящей войны съ Турками, не смотря на примѣръ Миниха и даже на то, что походъ 1770 года показалъ тайну побѣды». (Стр. 49 — 31. Ист. Сув.)

Румянцевъ не постигъ образа войны съ Турками, не смотря на примѣръ Миниха.—Но это еще ничего; тутъ сколько-нибудь отдана справедливость Румянцеву, хотя въ сравненіи весьма для него невыгодномъ,— для него, который создалъ новую тактику и указалъ Русскимъ путь къ побѣдамъ. Не Минихъ, который рабски слѣдовалъ прежнепринятому боевому порядку, а Румянцевъ показалъ примѣръ настоящей войны съ Турками; его геній открылъ тайну побѣдъ и новые пути въ военномъ дѣлѣ, по которому шли Суворовъ, Наполеонъ и всѣ просвѣщенные народы въ войнахъ съ иррегулярными войсками. Румянцевъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, былъ причиною побѣдъ Русскихъ надъ Фридрихомъ и былъ вполнѣ-самостоятельный полководецъ, безъ подражанія Фридриху, тѣмъ менѣе Лаудону.

Для убѣжденія въ этой истинѣ, и что Румянцевъ былъ учителемъ въ войнахъ съ Турками — должно обратиться къ боевому порядку, предшествовавшему компаніи 1770 года.

До компаніи 1770 года, всѣ европейскіе полководцы, въ томъ числѣ и знаменитые Евгеній и Монтекукули, строили армію въ линіи тонкимъ фронтомъ; это происходило отъ принятаго боеваго порядка во всѣхъ войнахъ того времени; противъ же Турковъ старались усилить мѣстную оборону полевыми укрѣпленіями и ставили рогатки предъ полками; кавалерія располагалась по флангамъ и въ резервѣ. Никто не рѣшался нападать на Турковъ, но ожидали ихъ натиска; первый ударъ ихъ былъ всегда гибеленъ для Австрійцевъ, — и это происходило не столько отъ мужества Турковъ, сколько отъ преимущества ихъ боеваго строя. Они употребляли глубокій строй, подобный македонской фалангѣ, — слѣдовательно, при первомъ нападеніи разрывали линіи противниковъ. Если первое ихъ нападеніе не достигало своей цѣли, они старались безпрестанными нападеніями утомить непріятеля, и имѣя четвертую, иногда и болѣе четвертой части дѣйствующихъ воиновъ въ резервѣ, устремляли ихъ для окончательнаго удара; — за тѣмъ слѣдовало пораженіе. Венгерцы, подъ предводительствомъ Гуніада, и Албанцы подъ начальствомъ Георгія Кастріота, употребляли эти же средства для пораженія Турковъ, и, конечно, Европа ихъ воинскому генію обязана своею незави-

---

(*) Мы не видимъ ни одной битвы послѣ семилѣтней войны; кампанія князя Голицына 1769 года, по своему ничтожеству, можетъ уронить, а не возвысить духъ войска.

(**) Не Потемкину, но измѣненію образа войны Румянцевымъ принадлежитъ отмѣна рогатокъ; онѣ сдѣлались ненужными, когда онъ, вмѣсто оборонительной, велъ систему наступательной войны противъ иррегулярныхъ войскъ.

симостію. Но Австрійцы не воспользовались этими примѣрами, не умѣли постичь преимущества боеваго порядка, употребляемаго Турками, и почти всегда терпѣли пораженіе; если же когда и успѣвали отразить нападеніе Турковъ и разстроить толпы ихъ, что удавалось немногимъ ихъ полководцамъ, тогда кавалерія, подкрѣпляемая пѣхотою, наносила имъ пораженіе, но не рѣшалась ихъ преслѣдовать, довольствуясь прогнаніемъ съ поля сраженія. Артиллерія употреблялась какъ оборонительное оружіе для отраженія, но не для нападенія на непріятеля.

Напротивъ, Русскіе во всѣхъ войнахъ съ Татарами и Турками строили войско въ одно каре, или въ три, и въ послѣднемъ случаѣ ставили каре одно подлѣ другаго такъ близко, что четыре фаса, составляющіе треть дѣйствующихъ войскъ, не могли принимать участія въ сраженіи и огнемъ своимъ защищать другъ друга, тѣмъ менѣе кавалеріи, которая не могла держаться противъ превосходной турецкой конницы. Фронтъ кареевъ прикрывался рогатками, артиллерія размѣщалась по флангамъ боевой линіи и угламъ кареевъ; кавалерія также по флангамъ; обозы помѣщались внутри каре. Этотъ боевой порядокъ, тяжелый и неповоротливый, произошелъ не отъ тактическихъ соображеній, или изученія древнихъ построеній (*), а отъ необходимости. Предки наши сражались съ Татарами и Турками въ степяхъ; открытые со всѣхъ сторонъ нападенію ихъ превосходной кавалеріи, по естественному побужденію, должны были принять построеніе въ видѣ четыреугольника съ обозами внутри. Минихъ въ точности слѣдовалъ этому порядку и въ славной стоучанской битвѣ его каре такъ были близко поставлены одно къ другому, что представляли одну сплошную линію, отъчего треть войска находилась совершенно въ бездѣйственномъ положеніи, даже обозы были посреди кареевъ, — почему никто не обратилъ на него вниманія и не принялъ его боеваго порядка (**).

Напротивъ, геній Румянцева постигъ неудобство боеваго порядка своихъ предшественниковъ; онъ совершенно измѣнилъ и образъ войны и видъ построенія войскъ къ битвѣ. Онъ не ожидалъ Турковъ, но искалъ ихъ въ полѣ и чрезъ это родилъ нравственную силу войска, замѣнявшую числительность. Онъ, раздѣляя свою армію на малыя каре по 2 и по 3,000 каждое, далъ имъ быстроту и подвижность; онъ помѣщалъ кавале-

---

(*) Построеніе арміи въ каре было употребляемо въ глубокой древности. Египтяне иначе не сражались; они ихъ строили въ 1,000 и болѣе человѣкъ по линіи, и въ 100 человѣкъ глубиною каждый фасъ. Ставили каре одно подлѣ другаго, такъ-что эта боевая линія представляла плотную массу силъ, отъ-чего ударъ ихъ былъ страшенъ и сопротивленіе неодолимо. Въ сраженіи при Иссѣ, когда вся персидская армія бѣжала, они, окруженные Македонянами, долго оспоривали побѣду у Александра-Великаго, который принужденъ былъ предложить имъ присоединиться къ его арміи. Многіе полагаютъ, что образъ построенія Египтянъ произошелъ отъ мѣстности, перерѣзанной каналами. Но ближе всего должно отнести это къ войнамъ ихъ древнихъ царей, которые, сражаясь на равнинахъ Африки и Азіи съ народами преимущественно конными, не имѣя достаточной кавалеріи, должны были строиться въ каре, какъ предки наши.

(**) Мы видимъ, что Минихъ, подобно Австрійцамъ, строился противъ Турковъ и въ линіи.

рію колоннами за карелми и артиллерію впереди кареевъ, по флангамъ и въ резервѣ, такъ-что три оружія, поддерживая другъ друга при нападеніи и оборонѣ, составляли силу непреоборимую. Мы видимъ въ войнахъ Румянцева, что, при удобности мѣстоположенія, каре мѣшали съ колоннами; иногда шли на непріятеля, построя войска въ колонны, перестраивали ихъ на походѣ въ каре при нападеніи кавалеріи и даже отражали эту послѣднюю, имѣя въ боевомъ порядкѣ однѣ колонны, прикрытыя густою цѣпью стрѣлковъ и огнемъ артиллеріи, которая во всѣхъ сраженіяхъ, данныхъ Румянцевымъ и подчиненными ему генералами, шла впереди и огнемъ своимъ, еще до удара въ штыки, производила разстройство въ рядахъ непріятельскихъ (*). Это явленіе тѣмъ примѣчательнѣе, что конная артиллерія была устроена въ революціонныхъ войнахъ и до Румянцева никто не умѣлъ пѣшей артиллеріи дать подвижность и быстроту, свойственную конной. Въ войнахъ Румянцева употреблялись всѣ построенія арміи, какія видимъ въ революціонныхъ войнахъ и нынѣ повсемѣстно приняты, конечно въ малыхъ размѣрахъ, ибо цѣлая армія его равнялась одному корпусу войскъ наполеоновыхъ, который, двигая громадами силъ, тѣ же построенія долженъ былъ употреблять въ большихъ размѣрахъ.

Кто же былъ наставникомъ Румянцева? древніе полководцы—особенно Александръ-Великій!.. Бой при Ларгѣ имѣетъ родственное сходство съ сраженіемъ при Иссѣ. Жаль, что живущее поколѣніе, увлеченное событіями нашего времени, мало обращаетъ вниманія на древній міръ, обильный великими образцами военнаго искусства. Новѣйшіе народы ничего не прибавили къ боевымъ порядкамъ Грековъ, Македонянъ, Римлянъ и Аннибала; напротивъ, они не довели еще тактическихъ правилъ до того великаго совершенства, до котораго они достигли у этихъ народовъ. Густавъ-Адольфъ первый обратился къ искусству древнихъ, и этому одолженъ былъ своимъ блестящимъ успѣхомъ. Образцовыя дѣла Фридриха-Великаго носятъ на себѣ отпечатокъ его глубокихъ свѣдѣній и изученія древнихъ полководцевъ, особенно временъ усовершенствованія ихъ военнаго искусства, къ которому должно отнести битвы, данныя Эпаминондомъ, Филопоменомъ и Пирромъ. Суворовъ образовалъ себя дѣлами Римлянъ. Наполеонъ бралъ все лучшее у Грековъ, у Римлянъ и Аннибала. Изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія (**) сдѣлало великій переворотъ въ военномъ искусствѣ, но основныхъ правилъ его мы должны искать у древнихъ. Достоинство полководца состоитъ въ умѣніи примѣнить къ мѣстности и обстоятельствамъ его окружающимъ, къ духу, составу и вооруженію своей арміи и арміи противника то,

---

(*) Смотри сраженія при Ларгѣ и Кагулѣ и журналъ военныхъ дѣйствіи 1771 г.

(**) Древніе имѣли махиническую артиллерію, которую Греки и Римляне въ цвѣтущее время ихъ воинской доблести употребляли только при осадахъ; но въ-послѣдствіи, при упадкѣ мужества, они употребляли ее и въ полевыхъ сраженіяхъ, особенно легіоны Восточной-Имперіи. Жаль, что современные историки не оставили намъ описанія образа дѣйствія этой артиллеріи и размѣщенія ея въ сраженіи; она имѣла силу едва ли уступающую нашимъ орудіямъ.

что опытность вѣковъ и примѣры предшествовавшихъ битвъ положили въ общую массу совершенства военнаго дѣла, неподражая никому безусловно. Безотчетное подражаніе есть признакъ посредственности и вѣрная порука пораженія. Что могло быть прекраснѣе и грознѣе прусской арміи въ рукахъ Фридриха-Великаго, хотя онъ увлекся духомъ своего времени въ построеніи ея линіями (*); но эта армія въ рукахъ бездарности и армія Австрійцевъ, образованная по примѣру прусской, были поражаемы нестройными толпами революціонныхъ войскъ, потому-что предводители этихъ армій не умѣли примѣнить своихъ тактическихъ правилъ къ мѣстности и образу войны своихъ противниковъ. Напротивъ, Суворовъ, явясь въ Италіи, билъ уже устроенныя французскія войска и предводимыя опытными полководцами, — билъ, такъ сказать, ихъ же оружіемъ; такъ точно и Сципіонъ-Африканскій, постигнувъ Аннибала, поразилъ его при Замѣ тѣмъ же боевымъ порядкомъ, которымъ этотъ великій человѣкъ поражалъ римскіе легіоны въ Италіи. Общія правила и системы, которыми такъ богатъ нашъ промышленый вѣкъ, не образовали и не образуютъ ни одного великаго полководца. И если въ васъ, мой читатель, есть искра огня небеснаго, той молніи, которою Провидѣніе озаряетъ души своихъ избранныхъ, идите на поля битвъ рука-объ-руку съ великими мастерами военнаго дѣла и въ ихъ дѣлахъ ищите тайны побѣдъ.

«Битвы при Ларгѣ и Кагулѣ» восклицаетъ г. Полевой: «казались чѣмъ-то баснословнымъ, и современники славили Румянцева какъ великаго полководца. Потомство (т. е. г. Полевой) судитъ строже современниковъ. Если внимательнѣе разсматривать дѣйствія Румянцева даже въ 1770 году, то убѣдимся, что битвы при Ларгѣ и Кагулѣ были счастливою случайностію, доказавшею только мужество Румянцева въ минуту опасности. Онъ долженъ былъ искупить неосторожность похода своею побѣдою, или гибелью — и побѣдилъ! Важные недостатки были соединены съ его воинскими достоинствами. Медленный, нерѣшительный, недовѣрчивый къ другимъ и самому-себѣ до того, что никогда не давалъ опредѣленныхъ приказаній, сберегая, какъ говорили, извиненіе на случай неудачи; честолюбивый, завистливый къ славѣ подчиненныхъ, до того, что готовъ былъ устранить всякаго, кто былъ ему опасенъ дарованіями, хотя угодливый предъ случайными, хитрый и уклончивый въ обращеніи, Румянцевъ не умѣлъ возбуждать любви къ себѣ войска, хотѣлъ славы, но трепеталъ безславія. Взглядъ на походъ 1771 и слѣдующихъ годовъ докажетъ справедливость нашихъ словъ.» (Тамъ же, стр. 51 и 52).

Довольно; остановимся покуда.

Точно, битвы при Ларгѣ и Кагулѣ казались и кажутся чѣмъ-то баснословнымъ; онѣ напоминаютъ дѣла Грековъ и Римлянъ. Эти битвы, г. Полевой, честь и слава русскаго оружія; новѣйшіе народы не могутъ похвалиться подобными, — не дѣти счастливой случайности, какъ вы полагаете, а дѣти генія Румянцева, плоды его великихъ тактическихъ и стратегическихъ соображеній. Не теряя словъ, приступимъ къ дѣлу.

(*) Это построеніе было причиною его пораженія подъ Кунерсдорфомъ; если бы онъ нападалъ не линіями, а колоннами, тогда бъ имѣлъ возможность поразить Русскихъ до передвиженія ихъ войскъ съ праваго крыла.

Походъ 1769 года, хотя Россія выставила 80,000 человѣкъ, былъ неудаченъ и не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ императрицы Екатерины Великой, которая была недовольна дѣйствіями князя Голицина. Нужно было избрать другаго полководца, и орлиный взоръ монархини палъ на Румянцева, того Румянцева, который, при Кунерсдорфѣ, вырвалъ побѣду изъ рукъ Фридриха-Великаго и былъ причиною пораженія его арміи (*), который взялъ Кольбергъ въ виду лучшихъ генераловъ Пруссіи (**). Главная цѣль компаніи 1770 года была взять Бендеры, для чего войско раздѣлили на двѣ арміи; вторая, подъ начальствомъ графа Панина, въ числѣ 40,000 человѣкъ, должна была взять эту крѣпость; первая, подъ предводительствомъ Румянцева, дѣйствовать за Днѣпромъ для прикрытія осады; два отдѣльные корпуса для этой же цѣли были выставлены на пути къ Очакову и на Кубани.

Первая армія, въ числѣ 28,000, была расположена въ Молдавіи, въ которой свирѣпствовала чума, обезсилившая полки до того, что Румянцевъ едва-ли имѣлъ подъ ружьемъ 22,000 человѣкъ; съ этимъ корпусомъ онъ долженъ былъ открыть военныя дѣйствія противъ Турковъ и Татаръ, числительность которыхъ простиралась до 220,000 человѣкъ.

Предположенія Турковъ въ предстоящемъ походѣ были не безъ достоинства. Верховный визирь, зная малочисленность Русскихъ и обширность квартирнаго расположенія, предположилъ разбить ихъ по-одиначкѣ, не допуская до соединенія. Для этой цѣли, онъ назначилъ три корпуса, которые съ 60,000 чел. Татаръ должны были исполнить его намѣреніе. Самъ же визирь съ остальными силами спѣшилъ подкрѣпить передовое войско. Но Румянцевъ, быстро соединя полки свои подъ стѣнами Хотина, перенесъ театръ войны между Прутомъ и Серетомъ (***), съ своей стороны спѣшилъ предупредить соединеніе Татаръ съ Турками. Проливные дожди задерживали его на каждомъ шагу; степи превра-

---

(*) Нѣмцы приписываютъ Лаудону пораженіе Фридриха при Кунерсдорфѣ. Но справедливо ли это? Лаудонъ съ австрійскими войсками выбралъ мѣсто въ резервѣ праваго крыла русской арміи, то-есть, мѣсто, на которое не было и не могло быть нападенія (вообще, Австрія всегда въ соединеніи съ русскими войсками выбирала себѣ подобное безопасное мѣстечко). Фридрихъ, разбивъ нашъ лѣвый флангъ и поражая поодиначкѣ полки ему противопоставляемые, опрокинулъ ихъ на центръ, находившійся подъ начальствомъ графа Панина, который, оказывая упорное сопротивленіе, не могъ, однако, остановить Пруссаковъ. Главнокомандующій нѣсколько разъ посылалъ къ Лаудону, прося его подвинуть австрійскія войска для совмѣстнаго нападенія на непріятеля; но Лаудонъ не двигался; наконецъ, по усильному настоянію, послалъ австрійскую кавалерію, которая, соединясь съ русской, подъ начальствомъ Румянцева, врубилась уже въ утомленные и разстроенные упорнымъ сопротивленіемъ Русскихъ торжествующіе полки Фридриха, опрокинула ихъ и быстро преслѣдовала, когда еще австрійская пѣхота съ Лаудономъ не пришла на мѣсто боя, очищеннаго отъ непріятеля.

(**) Осада Кольберга можетъ служить примѣромъ военныхъ дѣйствій подобнаго рода по правильности, глубокимъ соображеніямъ и вѣрности разсчета каждаго осаднаго предпріятія.

(***) См. Журналъ военныхъ дѣйствій 1770 года за май и іюнь мѣсяцы.

тились въ море грязи, ручьи въ глубокія рѣки, люди и лошади тонули. Главнокомандующій, брося обозы и парки, подъ сильнымъ прикрытіемъ, устремился на Татаръ, остановившихся у Рябой-Могилы, уже въ соединеніи съ однимъ изъ турецкихъ корпусовъ. Ханъ, имѣя подъ начальствомъ 70,000 человѣкъ, не рѣшился принять сраженія; онъ быстро отступилъ и окопался на крутыхъ берегахъ рѣки Ларги; съ нимъ соединился другой турецкій корпусъ. Визирь спѣшилъ переправиться черезъ Дунай съ 120,000 человѣкъ. Турки и Татары, нѣсколько столѣтій пріученные нападать на непріятеля, спокойно ожидали визиря, усиливая только оборону мѣстности. Но Румянцевъ, отброся выжидательную систему, дававшую преимущество ихъ первому удару, положилъ разбить непріятельскія арміи по-одиначкѣ; по наведеннымъ въ ночи мостамъ съ 20,000 чел. перешелъ Ларгу и съ разсвѣтомъ напалъ на непріятеля. Войско было построено въ четыре каре: два изъ нихъ были направлены на флангъ татарскаго лагеря; два должны были атаковать съ фронта, и вся кавалерія съ легкими полковыми орудіями, соображая движеніе свое съ двумя фланговыми каре, въ одно время съ ними должна была ударить въ тылъ; артиллерія шла впереди и огнемъ своимъ открывала путь къ побѣдѣ. Татары, поставленные между трехъ огней, опрокинутые на флангѣ, бѣжали, брося орудія, обозъ и лагерь... Остановимся на этомъ сраженіи, по понятію г. Полеваго ничтожномъ, ибо мало было убитыхъ, но важномъ для военной науки. Въ этомъ сраженіи, Румянцевъ создалъ и примѣнилъ новую тактику для дѣйствія противъ иррегулярныхъ войскъ. Онъ напалъ, а не ожидалъ нападенія, и въ боевомъ порядкѣ доселѣ невиданномъ; превосходнымъ направленіемъ арміи, поставя войска свои на флангѣ и въ тылу непріятеля и поражая его съ фронта, на всѣхъ точкахъ, выставилъ болѣе силъ, чѣмъ Татары, хотя они въ соединеніи съ Турками имѣли подъ ружьемъ до 80,000 чел. Ханъ видѣлъ необходимость или потерять свою армію, или бѣжать; онъ бѣжалъ, и страхъ Татаръ былъ такъ великъ, что они отдѣлились отъ Турковъ и не хотѣли уже съ ними соединиться.

Положеніе Русскихъ, не смотря на побѣду, было затруднительно; обозы не могли слѣдовать за движеніемъ арміи и недостатокъ въ боевыхъ снарядахъ, и въ-особенности продовольствія, былъ до крайности ощутителенъ. Люди питались вареннымъ съ мукою тростникомъ (*). Татары, съ 60,000, угрожали тылу и обозамъ, плущимъ къ арміи, а верховный визирь, съ 150,000, шелъ напасть съ лица. Румянцевъ не боялся грозы; напротивъ, сталъ между двухъ непріятельскихъ армій и этимъ, разобща ихъ силы, имѣлъ существенное предъ ними преимущество. Главнокомандующій отрядилъ нѣсколько полковъ для прикрытія тыла и обозовъ, вблизи находившихся, не имѣя подъ ружьемъ и 17,000 (**), двинулся противу Турковъ, которые, переправившись черезъ

(*) Смотри Журналъ военныхъ дѣйствій 1770 г. 8 іюля.

(**) Изъ которыхъ способныхъ къ сраженію было не болѣе 12,000. Вся тягость боя въ войнахъ съ Турками прежняго времени лежала на пѣхотѣ и артиллеріи; кавалерія же даже въ равныхъ силахъ противъ турецкой не въ состояніи была со-

Дунай и принявъ разбитые при Ларгѣ корпуса, думали раздавить Русскихъ. Румянцевъ остановился на берегу Ларги дать отдыхъ утомленной арміи. При обзорѣ окрестностей, онъ сказалъ окружавшимъ его: *«если Турки осмѣлятся поставить тутъ хотя одну палатку—я атакую ихъ»*. Дѣйствительно, на другой же день всѣ ихъ силы сосредоточились на указанной имъ мѣстности и старались укрѣпить лагерь, разбитый на крутыхъ возвышенностяхъ.

Турки готовились напасть на Русскихъ 21 іюля. Румянцевъ предупредилъ ихъ: въ полночь, въ глубокой тишинѣ, построя войско въ четыре каре, по порядку размѣщенія силъ, принятому при Ларгѣ, и имѣя густую цѣпь стрѣлковъ предъ карелми, двинулся на непріятеля. Съ первыми лучами солнца, Турки, увидя приближеніе Русскихъ, уже готовые къ бою, вышли изъ стана. Сраженіе загорѣлось у Трояновой-Дороги; оно было упорно и кровопролитно. Турки, одушевленные голосомъ вѣры и славою прежнихъ битвъ, дрались отчаянно; Русскіе, съ именемъ Екатерины, шли впередъ, ниспровергая всѣ силы, имъ противопоставленныя. Визирь выдвинулъ огромныя массы кавалеріи, которая стремительно напала на наше войско, и, можно сказать, окружила его. Румянцевъ, хладнокровно наблюдавшій за ходомъ битвы, приказалъ право-фланговому каре принять въ пол-оборота направо для аттаки лѣваго непріятельскаго. Этимъ превосходнымъ манёвромъ, въ пылу сраженія произведеннымъ съ удивительною точностью, турецкая кавалерія была заперта въ лощинѣ, тогда-какъ наша артиллерія наносила ей страшное пораженіе, и кавалерія, подкрѣпленная резервами, ударила въ разорванныя толпы ихъ,—поле очистилось. Такъ кончился первый актъ этой знаменитой битвы. Русскіе, утомленные боемъ и палящимъ жаромъ, должны были взять приступомъ лагерь, окруженный тройными рвами, сильными укрѣпленіями, вооруженными 200 орудій и защищаемый огнемъ 100,000 пѣхоты; уже они взошли на высоты и крайнее каре праваго фланга начало штурмовать передовое укрѣпленіе; второе съ тою же цѣлію приблизилось къ гребню ретраншамента, противъ него находящагося, но внезапно было аттаковано корпусомъ янычаръ, знаменитыхъ въ военныхъ лѣтописяхъ Турковъ неодолимымъ мужествомъ и отвагою. Это нападеніе, произведенное стремительно и неожиданно, ибо ихъ движенія скрывали укрѣпленныя высоты, когда ряды полковъ нашихъ были разстроены и движеніемъ и начавшимся приступомъ, — вдругъ измѣнило ходъ сраженія. Каре было смято и завязался страшный рукопашный бой. Турки видимо одолѣвали; тогда Румянцевъ сказалъ окружавшимъ его: «теперь наше дѣло!», бросился въ пылъ битвы, и при крикѣ его: *«стой, ребята!»* полки обратились на непріятеля, при чемъ особенно отличился 1-й гренадерскій полкъ (*), который съ восклицаніемъ: *«Екате-*

стязаться съ превосходными ихъ наѣздниками— ее всегда обороняла пѣхота огнемъ своимъ. Кавалерія употреблялась для разъѣздовъ, для аванпостной службы и окончательнаго пораженія уже разбитаго непріятеля. При Кагулѣ, у Румянцева было 5,000 кавалеріи, а у Турковъ 50,000.

(*) Нынѣ лейб-гвардіи гренадерскій, которому Румянцевъ на мѣстѣ битвы велѣлъ выдать по рублю на человѣка.

рина!» ринулся въ сѣчу и прорвалъ толпы янычаръ; прискакавшая артиллерія и кавалерія докончили пораженіе. Остатки ихъ были переколоты во рвахъ и укрѣпленіяхъ. Это истребленіе лучшаго турецкаго войска произвело въ рядахъ ихъ такой ужасъ, что они, бросая лагерь, обозы и артиллерію, стремительно бѣжали, поражая другъ друга, чтобъ открыть себѣ путь къ спасенію, хотя наши войска отъ утомленія только на другой день могли начать преслѣдованіе.

Турки, запертые между штыками Русскихъ и Дунаемъ, тысячами гибли въ волнахъ его, такъ-что изъ 150,000, не перебралось на другой берегъ и 100,000 человѣкъ, изъ которыхъ половина разбѣжалась. 200 орудій достались побѣдителямъ съ огромнымъ количествомъ боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ.

Эта знаменитая побѣда повлекла за собою важныя послѣдствія. Румянцевъ, пользуясь пораженіемъ непріятеля и страхомъ, на него наведеннымъ, раздѣлилъ малочисленную свою армію на нѣсколько частей для осады крѣпостей. Измаилъ, Килія, Браиловъ и Бѣлградъ сдались. Ханъ просилъ свободнаго пропуска въ Крымъ, но Румянцевъ требовалъ безусловной покорности власти императрицы; тогда онъ обратился къ графу Панину, осаждавшему Бендеры, и по договору, съ нимъ заключенному, былъ пропущенъ безпрепятственно.

Въ сраженіи при Кагулѣ, Румянцевъ повторилъ боевой порядокъ сраженія при Ларгѣ, но въ немъ замѣчателенъ манёвръ каре въ пол-оборота, который, направляя боевую линію Русскихъ во флангъ турецкой арміи, съ тѣмъ вмѣстѣ заниралъ въ лощинѣ ихъ кавалерію и принудилъ ее очистить поле сраженія; послѣ чего уже она не могла быть введена въ дѣло, тогда-какъ простиралась до 50,000 человѣкъ превосходныхъ наѣздниковъ, и могла дать другой оборотъ сраженію. Самое избраніе мѣстности для битвы, указанное Румянцевымъ, обнаруживаетъ геній его и совершенное знаніе военнаго дѣла. Еслибъ Румянцевъ не предупредилъ визиря, или допустилъ его избрать другую позицію, тогда борьба съ нимъ была бы сомнительна; Турки, съ огромными своими силами, особенно имѣя многочисленную кавалерію, могли бы окружить и подавить Русскихъ. Напротивъ, настоящее мѣсто сраженія лишило ихъ этихъ преимуществъ; они не могли на немъ увеличить боевую свою линію сообразно съ своими силами, но должны были стать въ глубину ея; слѣдовательно, должны были вводить въ дѣло войско по частямъ, представляя всю возможность разбить ихъ по-одиначкѣ, и поражая оружіемъ передовыя массы, нравственно поражалъ и заднія. Дѣйствительно, разбитіе кавалеріи, истребленіе янычаръ и другихъ передовыхъ войскъ, произвели между Турками такой ужасъ, что задніе, не видя Русскихъ, бѣжали. Не вините въ этомъ Турковъ: это безотчетное чувство страха встрѣчается среди всѣхъ армій; оно иногда возникаетъ отъ ничтожныхъ обстоятельствъ и, распространяясь съ скоростію звука, увлекаетъ за собой и благоразуміе и мужество.

Послѣ этого краткаго, но вѣрнаго описанія сраженія при Ларгѣ и Кагулѣ, предоставляю рѣшить каждому: справедливо ли убѣжденіе г. Полеваго, что эти битвы были произведены счастливою случайностію?

Многіе полагаютъ, что турецкая армія самая ничтожная въ дѣлѣ; мысль эта родилась послѣ давныхъ подвиговъ Румянцева; но спросите Австрійцевъ,—они вамъ скажутъ противное.

«Онъ долженъ былъ искупить неосторожность своего похода» восклицаетъ г. Полевой: *«побѣдою или гибелью—и побѣдилъ!»* Въ чемъ же заключалась эта неосторожность? Не въ томъ ли, что Румянцевъ не бѣжалъ отъ огромныхъ полчищъ непріятеля, оставя на грабежъ занятый край и предѣлы государства, а сталъ лицомъ-къ-лицу, какъ великій мастеръ своего дѣла, сталъ среди непріятельскихъ армій и разбилъ ихъ по-одиначкѣ. Вамъ, г. Полевой, какъ потомству, не безъизвѣстно, что подобнаго положенія искали и Фридрихъ-Великій, и Наполеонъ-Великій въ войнахъ своихъ, но никто не порицаетъ ихъ за это; напротивъ, всѣ признаютъ великими полководцами.

«Важные недостатки были соединены съ его воинскими достоинствами», говоритъ г. Полевой. Посмотримъ ихъ: 1) *Медленный и нерѣшительный...* Можно ли это сказать послѣ безсмертныхъ его кампаній 1770 и 1774 годовъ? Быстрота въ соединеніи войскъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ; походъ его по морю грязи безъ обозовъ; съ горстію войскъ занятіе позиціи между громадныхъ силъ непріятеля; въ нѣсколько дней разбитіе двухъ армій, въ десять разъ его сильнѣйшихъ; въ-теченіи трехъ мѣсяцевъ завоеваніе Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи со всѣми ихъ крѣпостями.—Помилуйте, г. Полевой, это рѣшительность льва и быстрота орла, непостигаемая курами Ивана Андреевича Крылова (*)!

2) *«Недовѣрчивый къ другимъ и самому себѣ до того, что никогда не давалъ опредѣлительныхъ приказаній, сберегая, какъ говорили, извиненіе на случай неудачи.»*

Недовѣрчивость къ самому-себѣ; что можно опредѣлительнѣе выразить осторожностію—великое достоинство въ полководцѣ, на которомъ покоятся безопасность и слава арміи и государства, тогда-какъ самонадѣянность Варроновъ и Крассовъ губятъ легіоны. Румянцевъ дѣйствительно былъ остороженъ: каждый шагъ его былъ разсчитанъ, каждое предпріятіе обдумано, можно сказать взвѣшено и соображено съ обстоятельствами и препятствіями. Это мы видимъ въ знаменитой его осадѣ Кальберга, изъ диспозиціи къ бою и изъ предписаній къ подчиненнымъ генераламъ; прочитайте все это, и вы удивитесь подробности, ясности и предусмотрительности кагульскаго героя; отъ этого всѣ его предпріятія увѣнчались полнымъ, можно сказать, блестящимъ успѣхомъ, прославившимъ русское оружіе. Побѣдные клики его полковъ стали наслѣдіемъ нашимъ, нашею гордостью и славою.

Откуда вы взяли, г. Полевой, что «Румянцевъ былъ недовѣрчивъ «къ подчиненнымъ и никогда не давалъ опредѣлительныхъ предписаній, «сберегая, какъ говорили, извиненіе на случай неудачи»? Для обвиненія великаго человѣка не достаточно: *говорили, говорятъ;* даже — печатаютъ много пустаго и ложнаго, но этого мало: надо акты, а не пло-

---

(*) Смотри басню Крылова «Орелъ и Куры».

щадные и рыночные слухи. Откроемъ журналъ военныхъ дѣйствій 1771 года; вотъ предписаніе Румянцева князю Репнину отъ іюля мѣсяца: «Уважая невозможность, по дальнему разстоянію, руководствовать «дѣйствіями войскъ, вамъ ввѣренныхъ въ Валахіи, предоставляю это «благоразумію вашему съ замѣчаніемъ, чтобъ въ случаѣ увеличенія «силъ непріятельскихъ, не взирая на его превосходство, предпочитать «славу оружія предъ всѣми земными выгодами; искать непріятеля, уни«чтожать всѣ его покушенія и чрезъ то доставить защиту и безопас«ность занимаемому краю». Тутъ и довѣренность къ подчиненному и опредѣлительное приказаніе, достойное кагульскаго героя; этихъ предписаній вы много найдете къ начальникамъ отдѣльныхъ корпусовъ.

5) «Честолюбивый, завистливый къ славѣ подчиненныхъ до того, что «готовъ былъ устранить всякаго, кто былъ ему опасенъ дарованіемъ.»

На «честолюбивый» я буду отвѣчать стихомъ Мухаммеда (*): *я честолюбивъ, но таковы всѣ люди.* Честь и слава тому, кто честолюбіе свое сосредоточилъ въ славѣ и благѣ родины, кто на алтарь этому святому чувству принесъ всѣ свои помыслы, всю дѣятельность души своей. Этого честолюбія нашъ знаменитый вѣкъ не понимаетъ; ему нужно золото; для него онъ готовъ осквернить гробы отцовъ своихъ, попрать доблесть, втоптать въ грязь достоинство. Вы, г. Полевой, не любите ни честолюбія Румянцева, ни честолюбія Владиміра Мономаха, этого прекраснаго, отраднаго явленія нашей древней исторіи, во дни великокняжескихъ раздоровъ и смутъ; ваша историческая труба славитъ честолюбіе Косаго. . жалкое и ничтожное честолюбіе. Кому могъ завидовать Румянцевъ? Ни вокругъ его, ни вдали не было полководца ему равнаго; одинъ Фридрихъ-Великій могъ оспоривать пальму первенства, и никто болѣе. Молодыя дарованія, въ его школѣ образовавшіяся, не могли помрачить славы героя, увѣнчаннаго лаврами дивныхъ побѣдъ, и онъ не удалялъ ихъ, не преслѣдовалъ, но давалъ просторъ, давалъ имъ средства развиться и окрѣпнуть. Вейсманъ, примѣчательное, можно сказать великое дарованіе того времени, многое сдѣлавшее, еще болѣе обѣщавшее сдѣлать, бывъ младшимъ въ чинѣ, имѣлъ первое мѣсто въ битвѣ, лучшее назначеніе; онъ командовалъ лѣвымъ крыломъ арміи въ 1771 году, былъ правою рукою Румянцева въ кампаніи 1773 года; онъ водилъ полки къ побѣдѣ, когда старшіе генералы состояли при главной квартирѣ, и если онъ палъ въ битвѣ, палъ какъ герой, то и Эпаминондъ и Густавъ-Адольфъ, подобно ему, пали, и въ смерти Вейсмана нельзя обвинять Румянцева. Послѣ Вейсмана, Румянцевъ лучшимъ генераломъ въ арміи признавалъ Суворова, постигалъ его великое будущее (**), но не могъ терпѣть своеволія, и побѣдителя Турковъ при Туртукаѣ предалъ суду. Безпрекословное повиновеніе приказаніямъ начальствующаго — основный законъ войны; нѣтъ повиновенія — нѣтъ и того нравственнаго состоянія въ войскѣ, которое ведетъ его къ побѣдамъ. Самъ Суворовъ созна-

(*) Трагедія Вольтера.

(**) Въ донесеніи императрицѣ говорилъ: «представляю вашему императорскому величеству безпримѣрный лаконизмъ безпримѣрнаго Суворова».

валъ вину свою и говорилъ, что въ древнемъ Римѣ подвергся бы наказанію (*).

4) *«Румянцевъ былъ угодливъ предъ людьми случайными; хитрый и уклончивый въ обращеніи.»*

Не зная Румянцева, не могу сказать, справедливы ли эти черты его характера; только могу увѣрить, что никто не читалъ писемъ нашего знаменитаго полководца къ временщикамъ и ихъ приближеннымъ, въ которыхъ бы онъ испрашивалъ ихъ покровительства. Кто былъ сильнѣе у престола великолѣпнаго князя Тавриды, но Румянцевъ не унижался предъ нимъ и былъ въ постоянной неприязни. Румянцевъ былъ лучшее украшеніе вѣка Екатерины-Великой, обильнаго людьми знаменитыми, не имѣлъ себѣ равнаго по дѣламъ войны, уваженъ великою монархинею, почтенъ согражданами, слѣдовательно, не имѣлъ нужды въ униженіи. Думаю, что и эта выходка принадлежитъ къ тысячѣ-и-одной лжи, которыми стараются очернить одно изъ лучшихъ именъ нашей военной исторіи. Вы сами, г. Полевой, говорите, что Румянцевъ прослезился, услышавъ о смерти Потемкина, злѣйшаго врага своего; прибавлю къ этому: послѣ кагульской битвы, проѣзжая поле сраженія, покрытое грудами труповъ, онъ заплакалъ; принцъ Брауншвейгскій и другіе, окружавшіе его, изъявляли удивленіе; тогда Румянцевъ отвѣчалъ имъ: *я сражался, какъ солдатъ, побѣдилъ, какъ полководецъ, а плачу, какъ человѣкъ!* (**). Эти черты доказываютъ доброту и величіе души—достоинства, которыми не многіе великіе люди могутъ гордиться.

5) *«Румянцевъ не умѣлъ возбудить къ себѣ любви войска.»*

Ложь, ложь и тысячу разъ ложь—и противъ Румянцева и противъ русскаго войска, всегда признательнаго къ вождямъ своимъ. Нѣтъ; солдаты его любили, какъ отца, попеченіямъ котораго обязаны своимъ существованіемъ; обожали, какъ героя, раздѣлявшаго съ ними боевые труды и опасности, гордились имъ какъ геніемъ, подарившимъ ихъ безсмертными побѣдами. По окончаніи кагульской битвы, полки привѣтствовали его единодушнымъ крикомъ: *ты прямой солдатъ!* Эти имена даютъ они немногимъ своимъ любимцамъ; у насъ — Румянцевъ, у Французовъ—Наполеонъ пріобрѣли эти необыкновенныя титла.

«Можно было ожидать» говоритъ г. Полевой: «что 1771 годъ поведетъ Русскихъ къ побѣдамъ болѣе легкимъ, болѣе блестящимъ, слѣдствія коихъ будутъ окончательны. Румянцеву велѣно было перенести оружіе за Дунай и идти къ стѣнамъ Царьграда, когда Орловъ подойдетъ къ столицѣ султанской по волнамъ Архипелага и князь В. М. Долгорукій со второю арміею овладѣетъ Крымомъ. Надежды не осуществились. Румянцевъ переходилъ за Дунай, но дѣйствовалъ нерѣшительно, кончивъ походъ неважными битвами, взятіемъ нѣсколькихъ крѣпостей и возвращеніемъ въ Молдавію. Взглядъ на походы въ 1771 году и слѣдующихъ годовъ докажетъ справедливость нашихъ словъ.

(*) То-есть, безъ суда, по приказанію консула, былъ бы казненъ, или высѣченъ розгами въ виду всей арміи — такъ строги были законы военные свободнаго Рима; за то побѣда была неразлучна съ ихъ знаменами.

(**) Во всѣхъ диспозиціяхъ къ бою Румянцевъ не забывалъ повторять, чтобъ не проливали напрасно крови и щадили побѣжденнаго.

«Вторая армія поступила въ 1771 году подъ начальство князя В. М. Долгорукаго и ей предписано было занять Крымскій полуостровъ. Обнадеженная Кагульскою побѣдою и спѣша кончить войну побѣдами, Екатерина велѣла перейдти Румянцеву за Дунай. Здѣсь оказались недостатки его, какъ полководца. Онъ готовился къ походу, но прежде началъ забирать дунайскія крѣпости. Зимою Русскіе взяли Журжу. Неосторожность Потемкина, искавшаго воинской славы подъ знаменами Румянцева, ободрила Турокъ. Они перешли на лѣвый берегъ Дуная, отняли у Русскихъ Журжу, оттѣснили корпусъ Русскихъ къ Бухаресту. Румянцевъ не думалъ разгромить ихъ ударомъ, и только послалъ за Дунай Милорадовича и Вейсмана отъискать движенія непріятеля. Милорадовичъ захватилъ Мачинъ и Гирсово. Вейсманъ сдѣлалъ болѣе предписаннаго ему: — разорилъ Тулчи и Исакчу, разбилъ войско Турокъ при Бабадагѣ, гдѣ находилась запасная артиллерія турецкая, и гдѣ взялъ до 170 пушекъ. Эссену съ Потемкинымъ также удалось разбить Турокъ, стремящихся къ Бухаресту; они укрылись за Дунай, — Русскіе снова заняли Журжу. Тѣмъ кончилась компанія 1771 года.»

«Дѣла Румянцева, столь нерѣшительныя, привели въ недоумѣніе всѣхъ и огорчили Екатерину. Крымъ былъ завоеванъ Долгорукимъ.—Будь рѣшительнѣе Румянцевъ, — ужасъ Турокъ кончилъ бы войну съ нами, усмирилъ Польшу, устрашилъ Швецію, Пруссію, Австрію и прекратилъ интриги Франціи при дворѣ Оттоманскомъ. Мы видѣли какія важныя политическія слѣдствія, принудившія Екатерину согласиться на переговоры о мирѣ, произошли отъ нерѣшительной, скажемъ болѣе — неудачной войны Румянцева.»

Всѣ обвиненія противъ Румянцева суть ни что иное, какъ изобрѣтеніе поэтическаго генія г. Полеваго, который сочиняетъ планы военныхъ дѣйствій и именныя повелѣнія, распоряжаетъ судьбами войны и мира.

Повелѣнія о перенесеніи военныхъ дѣйствій за Дунай Румянцеву не было; намѣренія идти къ султанской столицѣ его арміи и флоту не существовало. Вотъ планъ кампаніи 1771 года: князь Долгорукій съ 40,000 арміею долженъ былъ завоевать Крымъ; прочія силы, морскія и сухопутныя, облегчать это завоеваніе. Согласно съ этимъ намѣреніемъ, Румянцеву было предписано охранять Бессарабію, Молдавію и Валахію, овладѣть Журжею и Турно и не допустить Турковъ подать Крыму сухопутную помощь. Флотъ съ этою же цѣлію обязанъ былъ дѣйствовать на водахъ Архипелага. Согласно съ этимъ планомъ размѣщены были полки первой арміи, въ которой подъ ружьемъ было 22,000 человѣкъ, именно: правый флангъ подъ начальствомъ Олица, а по смерти его—Эссена, въ числѣ 12,000, для охраненія Валахіи и взятія Журжи и Турно; лѣвый, подъ начальствомъ Вейсмана въ Измаилѣ въ числѣ 6000 человѣкъ. Главнокомандующій съ 4000 избралъ центральную позицію въ деревнѣ Фальдешты, дабы можно было, въ случаѣ скопленія Турковъ на флангахъ, подкрѣпить угрожаемый пунктъ.

Румянцевъ и не думалъ переходить за Дунай въ 1771 году, ибо до него еще не доходило повелѣніе г. Полеваго, сочиненное въ 1843 году, и въ ожиданіи онаго, спокойно изъ своей главной квартиры распоряжался военными дѣйствіями. Если онъ, вопреки его волѣ, началъ забирать крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная, такъ въ этомъ была крайняя необходимость: Турки, владѣя Журжею и Турно, безпрепятственно могли переходить въ Валахію и угрожать правому флангу арміи и краю, который былъ житницею русскихъ войскъ. Эту истину вы, г. Полевой'

могли постичь изъ событій настоящей кампаніи. Непріятель, пользуясь покровительствомъ этихъ крѣпостей, перевелъ въ Валахію 50,000, но былъ разбитъ Эссеномъ на-голову, и, потерявъ обозъ и артиллерію, подъ защитою Журжи переправилъ на правый берегъ Дуная остатки войскъ, чего не могъ бы сдѣлать, если Русскіе владѣли этою крѣпостію.

Теперь обратимся къ дѣйствіямъ румянцевой арміи. Для достиженія цѣли компаніи, онъ предпринялъ поиски на правый берегъ Дуная, почему предписано было Вейсману изъ Измаила перейдти эту рѣку и стараться истребить запасы непріятеля, собранные въ крѣпостяхъ придунайскихъ. Въ первый разъ Вейсманъ перешелъ съ 750 человѣкъ, взялъ штурмомъ и окончательно разорилъ крѣпость Тульчу, защищаемую 5000 Турковъ; въ другой разъ съ 1400 человѣкъ овладѣлъ Исакчею, которую обороняли 6000, и наконецъ, въ третій разъ съ 3000 вторично напалъ на Тульчу, разбилъ 11,000 Турковъ, устремился въ глубь Булгаріи, поразилъ идущія къ Тульчи подкрѣпленія, взялъ Бабоды съ главнымъ паркомъ артиллеріи и огромнымъ запасомъ боевыхъ снарядовъ, аммуниціи, оружія и жизненныхъ припасовъ. Милорадовичъ съ 1500 человѣкъ перейдя Дунай, разбилъ подъ Мачиномъ 8000 турецкій корпусъ, овладѣлъ артиллеріею, обозами, флотиліею и до основанія разорилъ городъ. Подполковникъ Якубовичъ, посланный на поискъ съ 250 человѣкъ, разбилъ встрѣченнаго имъ непріятеля, взялъ восемь пушекъ и соединясь съ равносильнымъ отрядомъ полковника Тумашевскаго, взяли штурмомъ Гирсова, защищаемый 2000 гарнизона, подорвали крѣпость, на валахъ которой было 120 орудій, изъ которыхъ половину доставили въ главную квартиру, а остальныя потопили въ Дунаѣ. Эти дѣйствія Русскихъ поселили такой ужасъ среди Турковъ, что они, при появленіи малыхъ отрядовъ, бросали города и бѣжали въ горы и лѣса (*). Были примѣры, что сторожевые отряды Русскихъ, перебираясь на правый берегъ, подходили къ крѣпостямъ съ сильнымъ гарнизономъ; но никто не смѣлъ выйдти къ нимъ на встрѣчу, ограничиваясь канонадою съ крѣпостныхъ валовъ.

Румянцевъ въ точности исполнилъ свое предназначеніе въ кампаніи 1771 года и не только не допустилъ въ Крымъ сухопутной помощи, но съ своими, можно сказать, ничтожными средствами разбилъ 50,000 армію, взялъ на лѣвомъ берегу Дуная двѣ крѣпости, а на правомъ разрушилъ шесть крѣпостей, истребилъ огромные склады запасовъ, овладѣлъ и потопилъ 100 судовъ, взялъ 280 орудій мѣдныхъ и болѣе 300 затопилъ и заклепалъ чугунныхъ, такъ-что верховный визирь долженъ былъ требовать крѣпостной артиллеріи изъ азійскихъ провинцій. Послѣ этого надо удивляться не нерѣшительности дѣйствій Румянцева, а рѣшительности г. Полеваго искажать событія, чтобъ имѣть возможность порицать знаменитаго полководца, подвигами своими принесшаго государству неисчислимыя выгоды. Что жь послѣ этого исторія? Сказка!

(*) Смотри Журналъ военныхъ дѣйствій 1771 года, показаніе плѣнныхъ.

«Онъ былъ однакожь увѣренъ (т. е. Румянцевъ) что Турки согласятся на миръ, какой имъ предпишутъ, и Екатерина видитъ необходимость заключить миръ. Но Турки уже оправились отъ страха и Екатерина понимала, что уступить Оттоманамъ — значитъ унизить себя въ глазахъ Европы и ободрить завистниковъ Россіи. Она была увѣрена, что Румянцевъ не понимаетъ своего положенія; — предложила Туркамъ тягостныя условія и не боялась расторженія Фокшанскаго Конгресса, совершенно смѣшавшаго предположенія Румянцева.—Онъ не готовился къ войнѣ цѣлый годъ, проведенный въ переговорахъ; даже разстроилъ свое войско и не зналъ, что дѣлать когда Екатерина снова предписала ему идти за Дунай. — Съ большею прежняго нерѣшительностію приступилъ онъ къ войнѣ. Турки собрались въ огромныхъ силахъ; Румянцевъ медлилъ и началъ рекогносцировку, — препоручилъ ее Потемкину, можетъ быть потому, что не боялся упрека за неудачи его,— и Вейсману потому, что гдѣ былъ Вейсманъ, тамъ неудачи не могло быть.» (Стр. 53).

Румянцевъ увѣренъ, что Турки согласятся на миръ; Румянцевъ видитъ, что Екатерина должна заключить миръ. Помилуйте, г. Полевой! развѣ Румянцевъ былъ правитель какого-либо государства, что могъ взвѣшивать и опредѣлять политическія событія Россіи. Онъ былъ полководецъ императрицы Екатерины, орудіе ея воли; она велѣла бить непріятеля — онъ билъ; приказала остановить военныя дѣйствія — громы Румянцева безмолвствовали. Румянцевъ, находясь въ степяхъ Бессарабіи, не былъ участникомъ въ царскихъ совѣтахъ, еще менѣе имѣлъ вліянія на политическія сношенія имперіи. На этомъ поприщѣ у престола Екатерины былъ столь же великій дѣятель, какъ и Румянцевъ на полѣ битвъ,—графъ Панинъ, котораго геніальныя способности и сила характера не допустили бы ничего вреднаго и предосудительнаго для Россіи. Еслибъ вы, г. Полевой, добросовѣстно изучили событія того времени, тогда бъ не впали въ злословіе противъ великаго человѣка, котораго блестящіе подвиги даже въ кампаніи 1771 года заставили трепетать Турецкую-Имперію и просить мира.

Оттоманская Порта, ошеломленная побѣдами Румянцева, открытая для вторженія разрушеніемъ придунайскихъ крѣпостей, безъ артиллеріи, безъ запасовъ, безъ средствъ къ защитѣ, угрожаемая внутреннимъ возстаніемъ, желала мира, желала искренно. Это желаніе, подкрѣпленное ходатайствомъ и настояніемъ Австріи, Франціи, Пруссіи, Англіи и Швеціи, соотвѣтствовало намѣреніямъ Екатерины, которая еще въ исходѣ 1770 года писала къ Вольтеру: «Я желаю мира отъ всего сердца, желаю не потому, чтобъ видѣла недостатокъ способовъ къ «продолженію войны, а потому-что кровопролитіе несообразно съ «моими чувствами». Императрица предложила тяжкія условія Турціи не потому, какъ вы говорите, что была увѣрена, что Румянцевъ не понимаетъ своего положенія, но потому-что подвиги Румянцева, выходящіе изъ ряда самыхъ блестящихъ, и положеніе Порты, доведенной имъ до крайности, давали ей поводъ думать, что всякое условіе, предложенное ею, будетъ принято. Этотъ разсчетъ былъ вѣренъ, и желанія Екатерины, конечно, исполнились бы, еслибъ Австрія своими внушеніями (*), а Франція обѣщаніемъ помощи, не отклонили Порту отъ заклю-

(*) Австрія, устрашенная завоеваніемъ Крыма и успѣхами Румянцева, заключила даже съ Портою союзъ и начала вооружаться.

ченія мира; они учали ее тянуть переговоры, чтобъ выиграть время и приготовиться къ войнѣ.

«Онъ (т. е. Румянцевъ) не приготовился къ войнѣ цѣлый годъ, проведенный въ переговорахъ, даже разстроилъ свое войско и не зналъ, что дѣлать, когда Екатерина снова предписала ему идти за Дунай.»

Не Румянцевъ долженъ былъ готовиться къ войнѣ, а правительство; но оно бездѣйствовало, надѣясь, можетъ-быть, на заключеніе мира. Мы видѣли, что, при началѣ кампаніи 1771 года, армія Румянцева состояла изъ 22,000 человѣкъ; но въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ ней не было и 14,000 человѣкъ; остальные погибли отъ повальныхъ болѣзней. Лихорадки и горячки, столь вредныя для русскаго солдата, свирѣпствовали на Дунаѣ со всею силою (*). Румянцевъ въ-теченіи 1771 и 1772 годовъ не получалъ въ подкрѣпленіе почти-несуществующей арміи ни одного солдата, ни одного рекрута, и полки обезсилѣли до того, что во многихъ не было подъ ружьемъ и 150 человѣкъ, а онъ долженъ былъ охранять Молдавію, Валахію и Бессарабію и имѣть гарнизоны въ покоренныхъ крѣпостяхъ.

Понимаете ли, г. Полевой, что не отъ румянцевой вины армія не могла идти за Дунай? Впрочемъ, и это повелѣніе родилось въ вашемъ воображеніи, а въ существѣ его не было и не могло быть. Императрица Екатерина, видя, что Турки стараются только продлить бездѣйствіе Русскихъ, приказала прекратить напрасные споры конгресса и начать военныя дѣйствія, т. е. объявила продолженіе войны. Переговоры же были прерваны поздно осенью, когда нѣтъ никакой возможности въ Турціи открыть кампанію, тѣмъ менѣе переходить рѣку, подобную Дунаю, на которой находилась сильная турецкая флотилія, и Турки, какъ вы сами говорите, на противоположномъ берегу были въ огромныхъ силахъ. Порта не бездѣйствовала въ-теченіе 1772 года, а пользуясь остановкою военныхъ дѣйствій, съ помощью французскихъ инженеровъ привела крѣпости въ лучшее положеніе, чѣмъ онѣ были до войны съ Россіею; снабдила ихъ артиллеріею и всѣмъ нужнымъ для продолжительной обороны.

Еслибъ императрица Екатерина открыла переговоры и, не останавливая военныхъ дѣйствій, подкрѣпила Румянцева 25,000 арміею Долгорукаго, которая была расположена въ Малороссіи въ совершенномъ бездѣйствіи (**), тогда бъ вопросъ о мирѣ, при упорствѣ Турковъ, могъ рѣшиться въ стѣнахъ Адріанополя или Константинополя; тѣмъ болѣе это вѣроятно, что оборонительныя средства Порты въ 1772 году были въ дурномъ состояніи.

«Въ такомъ положеніи находились дѣла Русскихъ на Дунаѣ, когда въ «арміи явился Суворовъ.» Суворовъ явился не въ это время, а въ маѣ 1773 года, и это явленіе не обратило на себя вниманія и не произвело никакого вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій.

(*) Смотри Журналъ военныхъ дѣйствіи за 1771 годъ.

(**) Въ Крыму былъ оставленъ корпусъ князя Щербатова, названный крымскою дивизіею, состоявшій изъ 10,000 пѣхоты и 5,000 кавалеріи.

«Напросившійся на службу въ дѣйствующую армію Суворовъ былъ «встрѣченъ холодно. Румянцевъ не оказалъ ему никакого отличія и «назначилъ его въ корпусъ Салтыкова, охранявшій лѣвый берегъ Ду-«ная отъ Туртукая до Гирсово.» Напротивъ; Румянцевъ зналъ Суворова въ прусскую войну, зналъ о дѣлахъ его въ Польшѣ и принялъ радушно, какъ удостовѣряетъ «Исторія Суворова» г. Булгарина. Какое же отличіе могъ оказать генерал-фельдмаршалъ Румянцевъ прибывшему въ армію его генерал-майору Суворову? Это предоставляю рѣшить вамъ, г. Полевой.

«Суворова мы уже знаемъ; но его послали съ небольшимъ отрядомъ «наблюдать Турокъ, бывшихъ въ Туртукаѣ, какъ-будто какого-нибудь «рядоваго, ничтожнаго генерала.»

Въ военное время на постъ въ виду непріятеля посылаютъ не ничтожныхъ генераловъ, но тѣхъ, которыхъ благоразуміе, дѣятельность и храбрость могутъ ручаться за сохраненіе его и охраненіе безопасности арміи: чѣмъ опаснѣе мѣсто, тѣмъ отличнѣе назначается офицеръ—это основное правило войны. У Суворова было два конные карабинерные полка, сотня донскихъ казаковъ, четыре орудія и астраханскій гренадерскій полкъ,—въ строю до 2,000 человѣкъ, а весь корпусъ Салтыкова состоялъ изъ 10,000, изъ котораго отдѣлены были гарнизоны въ Турно, Журжу и на другіе посты на берегу Дуная; слѣдовательно, онъ далъ болѣе, чѣмъ могъ, и болѣе, чѣмъ нужно было. Въ арміи Румянцева тысячный отрядъ былъ очень-сильный и производилъ дѣла, на совершеніе которыхъ, въ послѣдующее время, употреблялись цѣлые корпуса.

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію кампаніи 1773 года, противъ которой г. Полевой открылъ чернильную канонаду,—послушаемъ его:

«Рекогносцируя правый берегъ Дуная, Потемкинъ занялъ Гирсово. Вейсманъ, снаряженный также для опознанія непріятеля, устремился на Силистрію, напалъ на лагерь турецкій близь Карасу и завладѣлъ имъ. Турки сдвинулись къ Силистріи. Румянцевъ велѣлъ переправляться за Дунай, назначивъ для того Гирсово, и отмѣнилъ приказаніе, назначая Гурабадъ въ 30 верстахъ ниже Силистріи. Здѣсь стояло до 12,000 Турокъ. — Вейсману велѣно было осмотрѣть положеніе непріятеля. Имѣя не болѣе 4000, онъ напалъ на турецкій лагерь и овладѣлъ имъ. Дорога была очищена. — Войско Русское переправилось 12 іюня. Потемкинъ начальствовалъ лѣвымъ крыломъ, Ступишинъ — правымъ; при немъ былъ Вейсманъ, прикрывая главную армію. — Тридцать тысячь Турокъ выступило изъ Силистріи. Вейсманъ встрѣтилъ ихъ, вогналъ обратно въ городскія укрѣпленія и хотѣлъ штурмовать и взять крѣпость. Румянцевъ остановилъ его, располагаясь осаждать Силистрію правильно и, не отваживаясь на штурмъ, медлилъ три дня, далъ время снова ободриться Туркамъ и рѣшился сперва прогнать войско, охранявшее Силистрію и расположенное вокругъ нея лагеремъ. Потемкину и Вейсману поручено было нападеніе. — Первый смятъ былъ сильнымъ ударомъ непріятеля и отступилъ въ безпорядкѣ — Вейсманъ ворвался въ ретраншаменты Турецкіе и овладѣлъ ими. Слыша, что еще 8000 Турокъ спѣшитъ изъ Базарджика, онъ обратился на нихъ и разбилъ ихъ. — Казалось, ничто не препятствовало дѣйствіямъ рѣшительнымъ; — но не такъ думалъ Румянцевъ. Снова началъ медленіе, и конечно, никто не могъ предвидѣть страннаго окончанія дѣлъ за Дунаемъ. Узнавъ, что Сераскиръ Нуманъ Паша спѣшитъ къ Силистріи отъ Шумлы съ 20,000 и находится въ Кучукъ - Кайнарджи, побѣдитель Кагульскій велѣлъ

поспѣшно отступать за Дунай, не отважившись сразиться съ войсками Сераскира.—Вейсманъ былъ призванъ къ Румянцеву и получилъ приказъ прикрыть отступленіе арміи. Почтительно изъявилъ онъ сомнѣніе о малочисленности своего отряда—у него было только 5000. «Но вы сами стоите пятнадцати тысячь» съ усмѣшкой сказалъ Румянцевъ. Вейсманъ повиновался. Опасаясь натиска Турокъ, онъ рѣшился идти на встрѣчу Сераскира,—и все уничтожилось предъ нимъ.» (Потомъ описана смерть Вейсмана.)

Изъ этого описанія всякій военный можетъ сдѣлать три заключенія: 1) Румянцевъ былъ плохой полководецъ: у него отряды и подчиненные дѣйствуютъ на-удачу и произвольно. 2) Кагульскій герой былъ трусъ—онъ бѣжалъ отъ 20,000 Турковъ. 3) Онъ же былъ и насмѣшникъ надъ подчиненными. — Но все это относится къ собственному созданію г. Полеваго, глубоко-проникнутаго негодованіемъ къ Румянцеву.

Планъ кампаніи 1773 года опредѣлялъ: перейдти Румянцеву за Дунай, взять Силистрію и дальнѣйшими дѣйствіями противъ Турковъ принудить ихъ къ миру. На Кубани выставили корпусъ въ 8,000. Крымъ былъ охраняемъ войсками, находящимися подъ начальствомъ князя Щербатова, — а вторая армія князя Долгорукаго, въ числѣ 25,000 человѣкъ, поставлена резервомъ у шигиигирейскаго окопа, гдѣ въ-теченіе всей кампаніи простояла безъ нужды и дѣйствія.

Румянцевъ представлялъ всю невозможность перенести военныя дѣйствія за Дунай и успѣшнаго дѣйствія по малочисленности своей арміи; требовалъ, если не утроить, то по-крайней-мѣрѣ удвоить его силы — иначе не ручался за успѣхъ. Но ему напомнили о Кагулѣ, о правилахъ Римлянъ не считать число враговъ, а искать ихъ. Это прекрасно на письмѣ, прекрасно и потому, что выказываетъ душу Екатерины, проникнутую величіемъ и силою,—но недостаточно для успѣховъ на войнѣ; для этого нужны солдаты, деньги и продовольствіе, а ничего этого Румянцеву не присылали. Чтобъ судить о справедливости требованія Румянцева, разсмотримъ состояніе дѣйствующихъ армій.

Мы видѣли численность русскихъ войскъ въ 1772 году; полки, пополненные выздоровѣвшими и прибывшими изъ Польши частями, составили до 22,000 строевыхъ и нестроевыхъ, регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ; въ апрѣлѣ 1773 года, прибыло 12,000 рекрутъ (*), обезсиленныхъ дальнимъ путемъ и дурнымъ содержаніемъ, въ оборванной крестьянской одеждѣ и обуви. Слѣдовательно, армія состояла изъ 22,000 солдатъ и 12,000 мужиковъ, необученныхъ, неприготовленныхъ къ перенесенію военныхъ трудностей, едва обмундированныхъ къ открытію военныхъ дѣйствій. Румянцевъ долженъ былъ оставить сильный корпусъ для охраненія Молдавіи и Валахіи, гарнизонъ въ Измаилѣ и съ остатками войскъ перенести военныя дѣйствія въ Булгарію, усѣянную крѣпостями и защищаемую 200,000 Турковъ.

Порта, пользуясь перемиріемъ, дѣятельно приготовлялась къ войнѣ;

(*) Изъ 20,000, которые были посланы, 8,000 умерли и оставлены на дорогѣ по болѣзни и отъ худаго содержанія и присмотра.

она собрала огромныя силы и наученная опытомъ прошедшаго, что не въ силахъ бороться съ Русскими въ полѣ, избрала другой образъ войны, болѣе-свойственный устройству и духу ея войскъ. На берегу, противоположномъ Журжѣ, было расположено 20,000 человѣкъ; въ Силистріи, лежащей на главномъ пути военныхъ дѣйствій, поставлено 30,000 въ сильныхъ окопахъ, устроенныхъ вокругъ города; въ Рущукѣ, какъ оплотѣ втораго пути для военныхъ дѣйствій, — 20,000 гарнизона; въ Варнѣ, обороняющей третій путь къ Константинополю, по удобной для дѣйствій того, кто господствуетъ на водахъ Чернаго-Моря, гарнизона 10,000; съ остальными силами верховный визирь расположился въ Шумлѣ, имѣя предъ собою сильные корпуса, долженствовавшіе подавать помощь угрожаемому мѣсту. Всѣ крѣпости, какъ мы выше говорили, были приведены въ превосходное оборонительное состояніе и снабжены всѣмъ необходимымъ для выдержанія продолжительной осады.

Лучшаго плана для обороны придумать нельзя, особенно для Турковъ, превосходно защищающихъ крѣпости. Усиливая оборону физически, Порта старалась возвысить и нравственную силу народа: было вынесено знамя Мухаммеда, и всѣ мусульмане призывались къ защитѣ вѣры. Вотъ состояніе арміи, долженствовавшихъ вступить въ борьбу. Послѣ этого, не въ правѣ ли былъ Румянцевъ предсказывать неудачу похода?..

Главнокомандующій, оставя 10,000 подъ начальствомъ Салтыкова для охраненія Валахіи, съ 24,000 открылъ военныя дѣйствія. Переправа арміи назначалась у урочища Гуробадъ. Вейсманъ долженъ былъ, перейдя Дунай у Измаила, очистить путь къ переправѣ. Онъ прибылъ къ ней, когда уже Потемкинъ съ передовыми войсками находился на противоположномъ берегу, и немедленно началъ перевозить войско. Румянцевъ съ остальными силами и обозами перебрался 12-го іюня. Авангардъ порученъ Вейсману, и на другой день войска двинулись тремя колоннами. Непріятель, отброшенный Вейсманомъ у Карасу, получа подкрѣпленіе, усилилъ нападеніе, оспоривая каждый шагъ, но былъ совершенно разбитъ у озера Галицы, въ пяти верстахъ отъ Силистріи. Непріятель изъ 12,000 потерялъ 3,000 убитыми, и укрѣпленный его лагерь взятъ штурмомъ со всею артиллеріею. Можетъ-быть, это дѣло дало поводъ г. Полевому сказать, что 30,000 Турковъ выступили изъ Силистріи, Вейсманъ встрѣтилъ ихъ, вогналъ обратно въ городскія укрѣпленія, и хотѣлъ штурмовать и взять крѣпость; но Румянцевъ остановилъ его, располагаясь осадить Силистрію правильно, не отваживаясь на штурмъ и пр. Этого, какъ видите, ничего не было и не могло быть. Вейсманъ, взявъ укрѣпленный лагерь у Галицы, остановился, ожидая армію; ибо не только штурмовать крѣпость, обороняемую 30,000 отборнаго войска, но и идти къ ней съ 4,000, когда армія была на походѣ и не могла подкрѣпить своего авангарда, было бы величайшее безуміе, въ которомъ генералъ Вейсманъ не былъ замѣченъ. Напротивъ, Вейсманъ былъ превосходный генералъ, скажу словами г. Полеваго: онъ могъ быть вторымъ Суворовымъ, и на подобное отчаянное дѣло не могъ рѣшиться самъ, безъ остановки Румянцева, котораго съ нимъ и

не было. Армія медленно двигалась колонною—съ-лѣва, почему Потемкинъ, начальствуя лѣвымъ крыломъ, 15-го числа въ полдень первый приблизился къ Силистріи. Главнокомандующій, мало полагаясь на искусство Потемкина (*), находился между его колонною и колонною Ступишина, командующаго центромъ войскъ. Движеніе арміи не могло быть быстро: съ 13 по 15-е число она прошла двадцать-восемь верстъ, за что Румянцеву достается отъ г. Полеваго, а также и отъ г. Булгарина (**). Армія была такъ малочисленна, что сама должна была составлять прикрытіе для обозовъ, которые, заключая въ себѣ осадную артиллерію съ парками, лазаретами, фурами, палаточными повозками и транспортами съ продовольствіемъ на цѣлую кампанію, тянулись на огромномъ пространствѣ и требовали неусыпнаго надзора и безпрестанныхъ остановокъ по дурной дорогѣ, гористой и испорченной непріятелемъ (***).

При приближеніи Потемкина къ Силистріи, окруженной садами, завязался бой; Турки, пользуясь мѣстностію и будучи искусными стрѣлками, причиняли нашимъ величайшій вредъ. Потемкинъ повелъ войско на штыки; но каменныя стѣны и заборы въ садахъ, отчаянно обороняемые втрое-сильнѣйшимъ непріятелемъ, остановили его стремленіе, и послѣ часоваго сраженія Турки вытѣснили Русскихъ; но главнокомандующій, прибывъ въ это мгновеніе, подкрѣпилъ отступающихъ тремя полками, и непріятель былъ выбитъ изъ садовъ, въ которыхъ Потемкинъ и укрѣпился. 15-го числа, армія, прогнавъ Турковъ, внѣ окоповъ расположенныхъ, заняла назначенныя ей мѣста, но по своей малочисленности не могла окружить крѣпости, обширно-раскинувшей свои твердыни. Турки, не могшіе помѣститься въ городѣ и окопахъ, разбили на двѣ версты лагерь вверхъ по теченію Дуная, примыкая правымъ флангомъ къ крѣпости, тогда-какъ отряды, отдѣленные отъ арміи верховнаго визиря, занимали лѣса, близъ города лежащіе. Главнокомандующій отрядилъ три полка пѣхоты и почти всю кавалерію для прогнанія этихъ отрядовъ и для прикрытія осады со стороны Шумлы. Желая же болѣе стѣснить Силистрію, предположилъ 17-го числа взять передовой окопъ, болѣе другихъ выдавшійся и огнемъ своимъ безпокоившій лѣвый нашъ флангъ. Вся армія стала подъ ружье, чтобы, по взятіи око-

---

(*) Румянцевъ зналъ это и долженъ былъ употреблять его не изъ подобострастія къ Потемкину, какъ выставляетъ г. Полевой, а по приказанію свыше.

(**) Конечно, г. Булгаринъ, котораго исторія написана добросовѣстнѣе, вовлеченъ въ подобное обвиненіе диктаторскими приговорами г. Полеваго. Но такъ-какъ издана еще только первая часть вашей исторіи, почему послушайтесь моего совѣта и не вѣрьте: 1) разсказамъ и преданіямъ, на которыхъ вы и г. Полевой основываете свои сужденія; 2) исторіямъ, которыя пишутся на обумъ, безъ знанія дѣла и безъ изученія событій.

(***) Военные понимаютъ эту трудность; но для чернильныхъ героевъ нужны болѣе дѣйствительныя убѣжденія; для нихъ долженъ я сказать, что при отступленіи прусской и австрійской армій въ 1792 году изъ предѣловъ Франціи, войско генерала Клерфе не могло занять и даже поспѣть на назначенное мѣсто, потому-что, прикрывая обозъ 6,000 корпуса эмигрантовъ, въ тридцать часовъ прошли только полторы мили, хотя союзники спѣшили своимъ отступленіемъ. Подобныхъ примѣровъ много въ военныхъ лѣтописяхъ.

на, овладѣть вторымъ рядомъ укрѣпленій и по мѣрѣ успѣха штурмовать самый городъ. Потемкинъ долженъ былъ взять окопъ, тогда-какъ Вейсманъ и Энгельстромъ съ своими колоннами съ-права обязаны были способствовать его дѣйствію. Нападеніе Потемкина было стремительно, но и оборона Турковъ отчаянна; они, сосредоточа на угрожаемомъ пунктѣ лучшее войско и въ превосходномъ числѣ, густою толпою ринулись на Русскихъ, смяли Потемкина; но главнокомандующій приказалъ Вейсману послать съ-права кабардинскій пѣхотный полкъ, когда съ-лѣва самъ направилъ рижскій карабинерный, и непріятель, поражаемый съ фронта и флянговъ, былъ совершенно истребленъ, и окопъ взятъ съ орудіями. Въ пылу этой битвы, или, лучше сказать, рѣзни, получено извѣстіе, что непріятельскій корпусъ, сильно тѣсня нашу кавалерію, высланную по дорогѣ къ Шумлѣ, приближается къ Силистріи. Румянцевъ, отрядя Вейсмана съ первыми попавшимися подъ руку полками, прекратилъ дальнѣйшее нападеніе. Вейсманъ въ семи верстахъ отъ лагеря разбилъ этотъ 10,000 корпусъ, посланный на помощь Силистріи. Генералъ Энгельстромъ съ 3,000, оставленный во взятомъ 17-го числа укрѣпленіи, былъ подверженъ безпрестаннымъ нападеніямъ; Турки, ежечасно смѣнялсь свѣжими войсками, производили безпрестанную перестрѣлку, прекращаемую только темнотою ночи. Схватка на этомъ пунктѣ 19-го числа была одна изъ кровопролитнѣйшихъ дѣйствій при настоящей осадѣ. Турки, въ числѣ 10,000, подъ руководствомъ изступленныхъ дервишей, при первыхъ лучахъ солнца, ринулись на окопъ; отчаянная оборона Русскихъ только усиливала ихъ ожесточеніе: они лѣзли на пушки и штыки съ остервенѣніемъ. Энгельстромъ былъ подкрѣпленъ; но Турки, усиленные новыми толпами, вытѣснили нашихъ изъ окопа и далеко отбросили, такъ-что герой Вейсманъ съ славнымъ артиллерійскимъ генераломъ Мелисино одни остались съ баттареями вблизи-расположенными. Если, въ эту минуту успѣха, до подоспѣвшихъ подкрѣпленій, непріятель не овладѣлъ ими, то это относится къ достоинству нашей артиллеріи, которая въ войнахъ Румянцева замѣняла числительность арміи; ея губительный огонь уничтожалъ цѣлыя массы турецкихъ силъ и заставлялъ уклоняться отъ ея дѣйствія. Не такова была кавалерія, какъ выше мы замѣтили, что болѣе удостовѣрило дѣло съ авангардомъ сераскира Нумана-Паши, котораго верховный визирь послалъ съ 20,000 занять дефилеи, лежащія на пути отступленія Русскихъ къ Дунаю. Семь тысячь турецкой кавалеріи, въ тридцати верстахъ отъ лагеря, напали на нашу кавалерію, находящуюся по дорогѣ къ Шумлѣ, опрокинули ее и живо преслѣдовали, доколѣ не наткнулись на штыки пѣхоты, которая, принявъ въ интервалы разбитые эскадроны, огнемъ своимъ отбросила Турковъ. Румянцевъ не имѣлъ достаточныхъ силъ, чтобъ окружить Силистрію, тѣмъ менѣе могъ отважиться на общій штурмъ, который есть не что иное, какъ выдержка.

Неудача въ этомъ случаѣ влечетъ за собою гибель арміи, особенно малочисленной, отдѣленной отъ источниковъ подкрѣпленій рѣкою, подобной Дунаю, на которой непріятель имѣетъ сильную флотилію и когда противникъ со 100,000 свѣжаго войска можетъ преградить отсту-

леніе. Румянцевъ никогда не дѣйствовалъ на авось и ничего не предоставлялъ случайности, отъ-того съ малыми средствами производилъ дѣла изумительныя. Это можетъ доказать всякому знающему военное дѣло и настоящая осада Силистріи, недостигшая своей цѣли, потому-что есть обстоятельства, которыя никакой геній преодолѣть и отвратить не въ силахъ.

«Узнавъ», восклицаетъ г. Полевой: «что Сераскиръ Нуманъ Паша спѣшитъ къ Силистріи съ 20,000 и находится въ Кучукъ-Кайнарджи, побѣдитель Кагульскій велѣлъ поспѣшно отступать за Дунай, не отваживаясь сразиться съ войсками Сераскира.»

Можно ли написать что-нибудь не уважительнѣе этого? Нѣтъ, г. Полевой, герой кагульскій не устрашился бы и 200,000, противъ него на разныхъ пунктахъ дѣйствующихъ, еслибъ они соединились и приняли сраженіе въ открытомъ полѣ; но онъ обязанъ былъ спасти армію отъ неминуемой гибели, когда непріятель, уклоняясь отъ боя, хотѣлъ запереть Русскихъ и безпрестанными нападеніями сокрушить ихъ силы. Главнокомандующій былъ извѣщенъ, что сераскиръ съ 20,000 послалъ занять дефилеи; 50,000 Турковъ выступили изъ Шумлы подкрѣпить его и дѣйствовать въ тылу нашей арміи, когда 30,000, обороняющія Силистрію, должны были усилить нападенія съ фронта. Самъ верховный визирь съ остальными силами готовился идти на Русскихъ. Планъ превосходный и, конечно, внушенный французскими офицерами, которыхъ много было въ арміи визиря. Что́ же могъ Румянцевъ противопоставить непріятелю на всѣхъ точкахъ нападенія? 13,000 своей пѣхоты (*). Самые блестящіе успѣхи надъ передовыми корпусами не принесли бы никакой пользы, и Русскіе, отрѣзанные отъ Дуная, должны бы были погибнуть отъ меча, болѣзней и голода. Промедли Румянцевъ сутки подъ Силистріею, тогда бъ онъ долженъ былъ бросить обозы, артиллерію и больныхъ и силою пробиваться къ переправѣ; но онъ въ отступленіи своемъ не потерялъ и пушечнаго колеса; напротивъ, увезъ съ собою тридцать непріятельскихъ орудій, отбитыхъ въ сраженіяхъ. Только геній Румянцева, его вѣрный взглядъ на событія и мужественное хладнокровіе могли съ торжествомъ русскаго оружія выйдти изъ подобнаго положенія. Не взирая на малочисленность войскъ, на трудность борьбы съ силами, въ десять разъ его превышающими, направленными съ искусствомъ, сражающимися съ мужествомъ, — онъ вездѣ былъ побѣдителемъ.

«Вейсманъ былъ призванъ къ Румянцеву и получилъ приказъ прикрыть отступленіе арміи. Почтительно онъ изъявилъ сомнѣніе о малочисленности своего отряда—у него было только 5000. Но вы сами стоите 15, сказалъ съ усмѣшкою Румянцевъ».

Вейсманъ не прикрывалъ, а открывалъ отступленіе, т. е. начальствовалъ авангардомъ арміи. Сераскиръ былъ на перерѣзѣ отступленія, и

(*) Въ это время, у Румянцева не было подъ ружьемъ и 17,000, изъ которыхъ 13,000 пѣхоты (Смотри переписку его съ императрицею Екатериною).

Вейсманъ съ генерал-квартермейстеромъ Муромцовымъ были посланы очистить путь. Это сраженіе, упорное и кровопролитное, докажетъ вамъ, г. Полевой, что Турки не мухи, которыхъ, сидя въ кабинетѣ, можно бить хлопушками, но войско храброе, когда имъ предводительствуетъ искусный военачальникъ. Они, уступая въ открытомъ полѣ превосходству русскаго солдата, умѣютъ пользоваться гористою мѣстностью и даже противъ Русскихъ съ успѣхомъ обороняютъ крѣпости. Въ этомъ сраженіи они, нѣсколько разъ сбиваемые съ мѣста, опять устроивались и шли въ бой, и одна только отчаянная храбрость Вейсмана и Муромцева, которые сами водили на штыки полки и при видимомъ ихъ замѣшательствѣ бросались въ пылъ битвы, вырвала побѣду изъ рукъ непріятеля. Но эта побѣда дорого стоила — жизни Вейсмана, убитаго пулею, раненнаго Турками при возвращеніи его съ поля сраженія.

Вы, г. Полевой, не пощадили и неукоризненное имя этого героя. Вы, который, въ порывѣ своей поэтической храбрости, съ 4000 разбили 30,000 Турковъ и тутъ же хотѣли штурмовать Силистрію, сильно укрѣпленную и мужественно-обороняемую, говорите теперь, что Вейсманъ изъявилъ сомнѣніе о малочисленности своего отряда, когда ему дано было 5000 противу 20,000. Румянцевъ далъ болѣе, чѣмъ могъ: онъ долженъ былъ отрядить въ аріергардъ 4000 для прикрытія отступленія, ибо весь гарнизонъ Силистріи, вдвое-сильнѣйшій сравнительно всѣхъ его войскъ, налегалъ съ тыла; слѣдовательно, что же составляло ядро арміи? Едва-ли 7000, которыхъ недостаточно было для прикрытія обозовъ и парковъ. Раскройте военныя лѣтописи наши, вы увидите, что Россія всегда выставляла сильнѣйшія арміи противъ Турковъ и никогда не достигала такихъ важныхъ результатовъ, не одержала такихъ знаменитыхъ побѣдъ, какъ во время войнъ, веденныхъ Румянцевымъ съ ничтожными средствами и силами. Екатерина вполнѣ знала достоинство своего полководца; она приказала воздвигнуть ему памятникъ предъ окнами своего любимаго дворца въ Царскомъ-Селѣ, и когда хотѣли окружить его дубовыми и ясеневыми деревьями, приказала посадить сосну, говоря, что безсмертныя дѣла Румянцева требуютъ неувядаемой зелени (*). Преклонитесь предъ этимъ памятникомъ, г. Полевой,—онъ воздвигнутъ величайшею изъ владыкъ земныхъ великому своему полководцу.

Но зачѣмъ эта выходка, что Румянцевъ съ улыбкою сказалъ Вейсману: «*Вы сами стоите пятнадцати тысячь!*» Гдѣ вы ее подмѣтили? Конечно, на томъ же рынкѣ, на которомъ говорили, что Румянцевъ не давалъ опредѣлительныхъ приказаній, сберегая извиненіе на случай неудачи.

«Когда воля Екатерины показывала Румянцеву путь къ побѣдамъ, а дѣла Вейсмана явили возможность ихъ,—вновь прибывшій въ армію чудакъ также вздумалъ дать урокъ самолюбію главнокомандующаго».

(*) Потемкинъ добивался этой чести, но его памятникъ поставленъ даже внѣ сада дворцоваго,—такъ справедлива была Екатерина.

Въ чемъ же заключался этотъ урокъ? Развѣ въ неповиновеніи Суворова, который, вопреки приказанію главнокомандующаго, переплылъ Дунай съ 1500 человѣкъ и взялъ Туртукай, обороняемый 3000 Турковъ? Жалкій урокъ! Взятіе же Туртукая, послѣ подвиговъ Вейсмана, Милорадовича и Якубовича въ кампаніи 1771 года, едва-ли обратило на себя вниманіе современниковъ. Могъ ли Суворовъ, начинающій свое военное поприще, давать уроки кагульскому герою, въ школѣ котораго образовались и Суворовъ, и Вейсманъ и Кутузовъ (*) и много другихъ замѣчательныхъ военныхъ дарованій?

«Въ тотъ день, когда въ Царскомъ-Селѣ подписанъ былъ рескриптъ о наградѣ Суворова, Румянцевъ, въ письмѣ, исполненномъ сѣтованія и жалобъ на недоброжелателей, болѣзни, и непослушаніе Салтыкова, описывалъ положеніе Русской арміи едва способнымъ выдерживать битвы и не обѣщающимъ побѣдъ и торжества; и проч.

Все то, что писалъ Румянцевъ къ императрицѣ, была истина, событіями удостовѣренная. Онъ при дворѣ и въ лагерѣ имѣлъ враговъ и завистниковъ — этихъ трутней человѣческой породы, которые въ другомъ великія дѣла и заслуги, всякое даже благородное чувство считаютъ укоризною для своего ничтожества. Враги Румянцева старались вредить ему, не щадя государственныхъ выгодъ. Съ какими средствами велъ войну Румянцевъ? Съ горстію солдатъ, безъ денегъ, безъ продовольствія и обмундированія. Въ его геніи армія находила и побѣду и существованіе. Занимая Молдавію и Валахію, онъ содержалъ и одѣвалъ армію способами земли, не разоря, но приведя еще въ цвѣтущее положеніе этотъ край, до котораго онъ не достигалъ подъ владычествомъ Турковъ. Въ его войскахъ царствовалъ величайшій порядокъ и устройство, слѣдовательно, онъ не разстроилъ его, какъ увѣряетъ г. Полевой, но устроилъ и обучилъ, и никогда русская пѣхота и артиллерія отъ временъ Петра-Великаго не доходила до того совершенства и искусства въ дѣйствіи, какъ при Румянцевѣ (**). Императоръ Павелъ I-й, бывъ еще великимъ княземъ, нѣсколько разъ изъявлялъ Румянцеву свое благоволеніе за примѣрное состояніе войскъ, бывшихъ подъ его начальствомъ. По недостатку боевыхъ снарядовъ, онъ долженъ былъ завести пороховыя мельницы и отбитыми у непріятеля пулями и ядрами снабжать войско, часто напоминая подчиненнымъ генераламъ о ихъ сбереженіи, даже во время военныхъ дѣйствій. Недостатокъ денегъ онъ пополнилъ уравнительнымъ сборомъ съ обывателей занимаемаго имъ края,

---

(*) М. Л. Кутузовъ, конечно, одинъ изъ лучшихъ полководцевъ своего вѣка, отдавалъ полную справедливость Румянцеву: онъ иначе не называлъ его, какъ «знаменитѣйшимъ».

(**) Румянцевъ, принявъ армію въ сильно-разстроенномъ положеніи, тотчасъ обратилъ вниманіе на ея обученіе, и особенно на обученіе пѣхоты и артиллеріи скорой и мѣткой стрѣльбѣ и стройности въ движеніи, на что прежде мало обращали вниманія, отъ чего эти части войскъ производили изумительныя дѣла; у него и штыкъ былъ молодецъ и пуля не дура. Думаю, что 20,000 превосходно стрѣляющей пѣхоты болѣе принесутъ въ настоящемъ дѣлѣ пользы, чѣмъ 60,000 стрѣляющихъ съ мыслію — пуля виноватаго найдетъ.

и перелилъ 450 мѣдныхъ орудій, у непріятеля отбитыхъ и въ крѣпостяхъ взятыхъ. Такъ ли было во вторую турецкую войну подъ начальствомъ Потемкина? Онъ никогда не имѣлъ менѣе 100,000 подъ своимъ начальствомъ; вся Южная-Россія подвинута была на продовольствіе арміи. При осадѣ Очакова, войско получало ежедневно говядину, водку и по десяти копеекъ на человѣка, и всѣ огромные расходы по арміи производились изъ суммъ государственныхъ. Самый неуспѣхъ кампаніи 1773 года должно отнести къ вліянію на дѣла враговъ Румянцева. Для чего 25,000 армія Долгорукаго простояла цѣлое лѣто безъ всякаго дѣйствія, когда бы она дала Румянцеву средства рѣшить судьбу войны за Дунаемъ? Мы не должны за это винить императрицу Екатерину-Великую, которая была чужда интригъ и вліянія ее окружающихъ на политическія и гражданскія дѣла имперіи; но понятіе о войнѣ, о необходимости размѣщенія войскъ были чужды ея державному уму, и она понеобходимости соглашалась съ тѣми планами, которые ей представляли люди, облеченные ея довѣренностію. Вся армія Румянцева, по окончаніи кампаніи 1773 года, едва-ли равнялась съ дивизіею князя Щербатова, въ Крыму расположенной. Посему, могла ли она выдерживать битвы и ручаться за торжество и побѣды противъ непріятеля, который, будучи въ десять разъ его сильнѣе, уклонялся отъ боя, и должно было искать его среди утесовъ и крѣпостей Булгаріи?

«Суворова Румянцевъ перевелъ въ главный корпусъ и поручилъ ему опасное дѣло: велѣлъ охранять Гирсово, занимаемое Русскими за Дунаемъ. — Войска Суворову дано было менѣе 2500 человѣкъ, считая въ томъ числѣ нѣсколько сотъ казаковъ. Опасность была очевидная, хотя пользы никакой предвидѣть было не возможно».

Солдаты не сельди, г. Полевой, которыми можно начинивать крѣпости; гарнизоны назначаются по ихъ вмѣстительности. Сами Турки въ Гирсовѣ никогда не имѣли болѣе сего охраннаго войска. Слѣдовательно, Суворову дано войска сколько нужно. Опасности никакой не было; Русскіе, владѣя лѣвымъ берегомъ Дуная, во всякое время могли подкрѣпить Суворова, или, въ случаѣ необходимости, Суворовъ переправиться къ своимъ. Нападеніе 11,000 Турковъ для русскаго гарнизона въ 2,500 человѣкъ составляетъ почти ничто. Доказательствъ этому вы много найдете въ нашей военной исторіи и между ними главное—оборона Очакова въ 1738 году (*).

Польза въ сохраненіи Гирсова очевидна даже не для военныхъ. Русскіе, владѣя укрѣпленнымъ мѣстомъ на правомъ берегу Дуная, стояли

(*) Конечно, вамъ, какъ судьѣ и цѣнителю военныхъ подвиговъ нашихъ полководцевъ, извѣстно, что Очаковъ былъ взятъ Минихомъ. Когда Минихъ удалился въ Украйну, то оставилъ въ немъ 8,000 гарнизона, хотя Турки имѣли въ немъ 20,000 и Очаковъ былъ въ пять разъ обширнѣе Гирсова и отдѣлялся отъ предѣловъ государства степью болѣе чѣмъ на 1,000 верстъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ осталось Русскихъ 4,800, а въ ноябрѣ 3,000. Турки и Татары въ числѣ 40,000 осаждали Очаковъ, дѣлали частые приступы, но отбиваемые и поражаемые въ вылазкахъ, потерявъ 20,000, бѣжали.

на немъ твердою ногою и, при надобности, могли переправлять черезъ рѣку малые отряды, не боясь ихъ истребленія; для предстоящей же кампаніи они владѣли укрѣпленною переправою.

«Но если сія битва Суворова (*) снова доказывала возможность побѣды, новое предпріятіе Румянцева показало, что гдѣ не было Суворова, побѣда доставалась не легко.—Главнокомандующій рѣшился отправить часть войска за Дунай. Генералъ-Поручику Унгерну, опредѣленному на мѣсто Вейсмана, велѣно идти изъ Измаила, а Генерал-Майору князю Ю. В. Долгорукову изъ Гирсова, пока Потемкинъ будетъ безпокоить Турокъ пальбою по Силистріи и Салтыковъ станетъ угрожать Рущуку. Суворову приказано находиться при Долгорукомъ. Онъ отказался и по болѣзни просилъ увольненія. Можетъ быть, онъ осмѣлился замѣтить о безполезности предпріятія, назначаемаго безъ всякой цѣли, глубокою осенью. Румянцевъ, мимо, или дѣйствительно больной, находился тогда въ Браиловѣ. Онъ прислалъ увольненіе Суворову.

«Точнаго ничего предписано не было, говорилъ Долгорукій о своемъ задунайскимъ походѣ. Соединясь съ Унгерномъ, онъ дошелъ до Базарджик и разбилъ небольшой отрядъ Турокъ. Тогда получили новый приказъ Румянцева. По обыкновенію своему, онъ точнаго повелѣнія не давалъ, а писалъ: «нѣтъ ли возможности сдѣлать покушенія на Шумлу». Унгернъ отказался и пошелъ къ Варнѣ посмотрѣть — не удастся ли ему сдѣлать какого поиска на сію крѣпость. Долгорукій отправился къ Шумлѣ. На другой день начались дожди, развели страшную грязь и Долгорукій съ трудомъ воротился изъ-за Дуная. Еще хуже поступилъ Унгернъ: онъ приблизился къ Варнѣ и думалъ штурмовать ее. Войско подошло ко рвамъ и тогда только замѣтили, что рвы глубоки и безъ фашинъ и лѣстницъ стѣны Варны недоступны».

Суворовъ не отказался присоединиться къ Долгорукому, чего бъ не могъ и не смѣлъ сдѣлать, иначе подвергся бы суду, а оскорбясь этимъ назначеніемъ, сказался больнымъ. Князь Долгорукій былъ старѣе Суворова въ чинѣ; этотъ поступокъ не дѣлалъ чести Суворову, который, чувствуя высшее свое призваніе, долженъ былъ примѣромъ своимъ показать необходимость подчиненности, особенно во время военныхъ дѣйствій. Соединеніе его съ Долгорукимъ и Унгерномъ могло дать средства къ лучшему успѣху самому безразсудному предпріятію, т. е. посылкѣ трехъ отрядовъ за Дунай, по 3,000 каждый, въ самую глухую осень для прогулки около крѣпостей съ сильными гарнизонами и безъ опоры въ случаѣ пораженія. Суворовъ не имѣлъ нужды, ни дерзости замѣчать главнокомандующему о безполезности предпріятія, какъ г. Полевой сочиняетъ, ибо не только Румянцевъ, геніяльный полководецъ, который предсказывалъ неуспѣхъ перехода 24,000 въ самую лучшую для этого пору, но всякій, по вашему выраженію, «рядовой генералъ» могъ постичь эту безполезность. Эти отряды были посланы по предписанію изъ Петербурга, гдѣ также былъ Гофъ-Кригсъ-Ратъ, думавшій располагать военными предпріятіями. Вообще, до 1774 г. Румянцевъ былъ стѣсняемъ въ своихъ дѣйствіяхъ предписаніями и распоряженіями высшаго начальства и не имѣлъ никакого вліянія, не только

(*) Какія же битвы? Суворовъ ни одной не выигралъ въ первую турецкую войну. Битвами называются полевыя сраженія, а Суворовъ взялъ только Туртукай и отразилъ 11,000 Турковъ отъ Гирсова, а это, повторяю, въ войнахъ Румянцева ничего необыкновеннаго не составляло.

власти ни надъ флотомъ, ни надъ другими частями войскъ, противъ Турковъ дѣйствовавшими.

Точнаго предписанія Румянцевъ не давалъ, да и не могъ дать по безразсудности самаго предпріятія, а еще болѣе по незнанію расположенія и численности войскъ непріятельскихъ; было изъ Петербурга предписано (должно полагать — по вліянію Потемкина), сдѣлать поиски на Варну и Шумлу, а отъ Румянцева — стараться разсѣять Турковъ, еще неоставившихъ сѣверной части Булгаріи, и истребить склады непріятельскихъ запасовъ. Брать же Варну выдумалъ Унгернъ, желая прославиться необыкновеннымъ подвигомъ, и погубилъ половину своего отряда потерявъ артиллерію. Повторяю еще: Румянцевъ, посылая отдѣльные отряды и корпуса, указывалъ цѣль предпріятія и облекалъ начальниковъ полною властію пользоваться обстоятельствами и съ ними соображать свои дѣйствія; онъ зналъ по опыту, что распоряженія, дѣлаемыя за нѣсколько сотъ верстъ, вредятъ дѣлу и поставляютъ подчиненнаго въ необходимость или не исполнить предписаніе или быть ослушникомъ, избравъ другія средства къ исполненію, или, наконецъ, исполняя въ точности, видѣть неудачу въ предпріятіи. Не то ли же самое видимъ мы въ предписаніи Суворова къ Римскому-Корсакову, при выходѣ изъ Италіи въ Швейцарію: «наблюдать и отъискать Массену, «стоявшаго противъ него. Гдѣ и какъ должно вамъ дѣйствовать — рѣшить должно вашимъ соображеніямъ.» (Исторія Суворова г. Полеваго, стр. 277).

«Война за Дунаемъ 1771 къ 1773 году оживила Турокъ. Они уже не боялись Русскихъ и дѣйствія Румянцева заставили улыбаться Фридриха, называвшаго прежнія побѣды его побѣдами кривыхъ надъ слѣпыми. — Русскіе, говорилъ онъ, не понимаютъ ни кастраметаціи, ни тактики.»

Ни подсмотрѣнная г. Полевымъ улыбка Фридриха, который безъ кастраметаціи и тактики былъ битъ Русскими и доведенъ ими до отчаяннаго положенія, ни порицанія г. Полеваго не уменьшатъ достоинства Румянцева и не унизятъ его безсмертныхъ подвиговъ. Дѣйствія Румянцева за Дунаемъ, какъ мы выше говорили, въ 1771 году были самыя блестящія; онъ вполнѣ достигъ своей цѣли и не только не допустилъ Турковъ подать Крыму сухопутную помощь, но еще поселилъ между ними ужасъ. Вотъ что говорятъ объ этомъ плѣнные: «Турки «столько объяты страхомъ, что коль-скоро свѣдаютъ о разъѣздѣ Русскихъ за Дунаемъ, выбираются изъ городовъ въ лѣса, и что предъ «его уходомъ изъ Базарджика, городъ этотъ былъ пустъ четыре «дня (*).» Кампанія 1773 года была неудачна, но не отъ вины Румянцева, чему также представлены доказательства. Фридрихъ-Великій, не зная ни плана кампаніи 1771 года, ни средствъ, какія даны были Румянцеву въ войну 1773 года, ни силъ, ни образа дѣйствій Турковъ, былъ неправедный судья въ этомъ дѣлѣ, тогда-какъ г. Полевой представляетъ изъ себя судью слѣпаго (**). Невольно вспомнишь стихъ Грибоѣдова:

«Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!»

(*) Смотри Журналъ военныхъ дѣйствій Румянцева 1771 года на 20 декабря.

(**) Любопытно видѣть, какъ г. Полевой судитъ и рядитъ о всемъ и о всѣхъ безъ

«Екатерина усилила армію за Дунаемъ до 50,000 человѣкъ. — Взоры всѣхъ обратились на Румянцева. Отъ него ожидали побѣдъ: Европа, Екатерина, Россія, а онъ совершенно упалъ духомъ. — Если кампанія 1771 и 1773 г. показывали недоумѣніе, нерѣшительность его, — по-крайней-мѣрѣ въ нихъ была цѣль, но въ планѣ дѣйствій Румянцева въ 1774 г. невозможно было видѣть никакой цѣли».

пощады; на-примѣръ, въ «Исторіи Петра-Великаго» онъ Карла XII называетъ безразсуднымъ наѣздникомъ, подражая Вольтеру, сказавшему, что этотъ Карлъ годился въ рядовые арміи Петра-Великаго. Но полно такъ ли? И какая слава Петру преодолѣть безразсуднаго наѣздника? Напротивъ, его слава заключается именно въ томъ, что онъ поборолъ великаго полководца. Карла XII не поняли современники, еще не оцѣнили потомки; злоба и невѣжество истерзали его имя, хотя среди недостатковъ, какъ государя, въ немъ видно много поучительнаго, какъ въ полководцѣ. Дѣла Карла изумляютъ смѣлостію и быстротою, но въ нихъ является не наѣздничество, а глубокое знаніе военнаго дѣла, превосходныя соображенія и усвоеніе тактическихъ правилъ древнихъ полководцевъ. Если бъ не излишняя твердость характера, переходящая въ упрямство, побѣда Карла надъ Петромъ была бы несомнѣнною. Въ военномъ дѣлѣ, Карлъ былъ выше своихъ современниковъ: Евгенія, Мальборо и Петра; но Петръ былъ выше, необъятно выше Карла, какъ государь, какъ мудрецъ, который не идетъ въ открытый бой съ судьбою, но преодолѣваетъ ее терпѣніемъ и тяжкими жертвами. Избраніе Карломъ пути военныхъ дѣйствій на Малороссію была ошибка, но ошибка, происшедшая отъ обмана, отъ незнанія вражды, раздѣлявшей Малороссію отъ Поляковъ, отъ вѣковой распри и ненависти ко всему тому, что не носило на себѣ печати единства вѣрованія. Будь Карлъ православнаго исповѣданія —тогда бъ событія явились въ другомъ свѣтѣ. Петръ, сознавая превосходство Карла, боялся сразиться съ нимъ, но старался утомить, истощить его силы, почему окружилъ своего противника опустошеніемъ. На тысячу верстъ пылали села, истреблялось все, что могло служить продовольствіемъ; мильйоны жителей были лишены крова и пропитанія—какая ужасная жертва!.. Она была необходима для сохраненія независимости государства, но она же и доказываетъ превосходство Карла надъ Петромъ въ ратномъ дѣлѣ. Судя по боевымъ порядкамъ, принятымъ подъ Полтавою Карломъ и Петромъ, по ходу начала этого боя, Карлъ долженъ былъ разбить Русскихъ, не смотря на превосходство ихъ силъ, если бъ могъ на боевомъ конѣ располагать ходомъ сраженія и если бъ въ моментъ прорванія имъ русской линіи не былъ контуженъ ядромъ и замертво вынесенъ изъ сѣчи. Пуля наканунѣ сраженія и ядро въ день полтавской битвы рѣшили споръ Петра съ Карломъ, который не кончился бы на поляхъ Полтавы. — Г. Полевой обвиняетъ Карла въ упорствѣ взять Полтаву; но Полтава, какъ укрѣпленное мѣсто, была необходима для Шведовъ при углубленіи въ Малороссію, для обезпеченія сообщенія съ Польшею и Крымомъ, обѣщавшимъ присоединить къ Карлу 100,000 наѣздниковъ. Отдадимте каждому своё: Петръ былъ величайшій государь, какого не было и, можетъ-быть, не будетъ въ мірѣ; это наша слава и гордость! Карлъ былъ великій полководецъ своего вѣка, хотя унесъ съ собой въ могилу благосостояніе и славу Швеціи. Петръ былъ остороженъ и предусмотрителенъ передъ Карломъ, какъ ученикъ передъ учителемъ; но посмотрите на походъ его въ Турцію — вы удивитесь опрометчивости и необдуманности. Напрасно неудачу слагаютъ на Кантемира и Бранкована: Петръ не долженъ былъ имъ вѣрить, видя примѣръ въ Мазепѣ, и еще болѣе—составлять планъ военныхъ дѣйствій, котораго невозможно было привести въ исполненіе безъ погибели арміи. Г. Полевой обвиняетъ Шереметева, что отъ его нерѣшительности и робости погибъ планъ войны («Исторія Петра-Великаго», т. III, стр. 159); напротивъ, мы должны хвалить Шереметева, что онъ не переправился за Прутъ для движенія прямо къ Дунаю, а обратился въ Яссы, гдѣ, при всей скудости продовольствія, могъ еще собрать для арміи что-нибудь и имѣлъ какую-нибудь опору для дальнѣйшихъ дѣйствій; углубись онъ въ Бессарабію, которая представляла безводную и безплодную степь, тогда бъ Русскіе, запертые въ дефилеяхъ между Дунаемъ

И не напрасно взоры всѣхъ обратились на Румянцева: онъ вполнѣ оправдалъ довѣренность своей монархини, избравшей его орудіемъ своей славы, и вниманіе Европы, удивя ее своими безпримѣрными въ военныхъ лѣтописяхъ дѣлами. Кампанія 1773 года удостовѣрила императрицу Екатерину, что для побѣдъ нужны не слова, а солдаты, для успѣха — полная власть главнокомандующему. Въ-теченіе зимы армія усилена до 52,000 человѣкъ, полками, пришедшими изъ Польши и рекрутами, прибывшими въ главную квартиру въ декабрѣ мѣсяцѣ. Ранній приходъ рекрутскихъ партій далъ возможность приготовить ихъ къ открытію военныхъ дѣйствій. Румянцевъ облеченъ былъ полною властью дѣйствовать по своему усмотрѣнію и избрать путь дѣйствія, какой заблагоразсудитъ.

Главнокомандующій, оставя въ Валахіи 14,000 человѣкъ, изъ которыхъ 12,000 должны были дѣйствовать за Дунаемъ противъ Рущука, съ 38,000 перенесъ театръ войны за Дунай. Непріятель былъ въ тѣхъ же силахъ и опредѣлилъ для себя тотъ же кругъ дѣйствій, какой и въ прошедшемъ году. Турки, полагая, что Русскіе осадятъ Силистрію, еще болѣе усилили оборону ея, и самъ верховный визирь съ 80,000 расположился лагеремъ въ Шумлѣ и ея окрестностяхъ. Румянцевъ, развязанный въ своихъ дѣйствіяхъ, предположилъ заперетъ верховнаго визиря въ горахъ Булгаріи, лишить его продовольствія и подкрѣпленій, получаемыхъ имъ изъ Варны и Адріанополя и перервать всѣ его сообщенія съ Рущукомъ и Силистріею, въ которыхъ было гарнизона до 60,000. Этотъ гигантскій планъ могъ родиться только въ умѣ Румянцева и имъ быть исполненъ.

Требовалось величайшей тайны. Никто въ арміи не зналъ о намѣреніяхъ главнокомандующаго; напротивъ, всѣ съ Турками думали, что ударъ обратится на Силистрію. Салтыковъ, съ правымъ крыломъ арміи, въ числѣ 10,000 человѣкъ, долженъ былъ окружить Рущукъ и прервать сообщеніе его съ Силистріею и Шумлою; Каменскій, съ 10,000 человѣкъ лѣваго фланга, переправясь у Измаила, ко 2 іюня быть въ Базарджикѣ; Суворовъ, назначенный на усиленіе корпуса Каменскаго, съ 8,000 выступя изъ Гирсова, взять направленіе, угрожающее Силистріи, 2-го же іюня занять Кучук-Кайнарджи и ожидать отрядовъ центра арміи и дальнѣйшихъ приказаній (*). Точность, съ какою произведены

и Прутомъ, не имѣя продовольствія, ни укрѣпленнаго мѣста, изнуренные голодомъ и зноемъ, должны были погибнуть. Впрочемъ, положеніе Петра въ Молдавіи не было безнадежно; его отступленіе испортило все и дало нравственное преимущество непріятелю. Будь на мѣстѣ Петра Карлъ,—онъ не побоялся бы напасть на Турковъ, разбить ихъ, отбросить за Дунай и утвердиться въ Молдавіи и Валахіи. Такъ поступилъ герой задунайскій въ 1770 году, и совершилъ то съ 17,000 человѣкъ противъ 220,000, чего Петръ не отважился сдѣлать съ 40,000. Каждому свое, г. Полевой!..

(*) Этимъ разрѣшаются всѣ недоумѣнія г. Полеваго и выводимыя имъ предположенія, что Суворовъ неохотно повиновался распоряженіямъ главнокомандующаго, что онъ усматривалъ несообразность распоряженій главнокомандующаго, почему всегда удивлявшій быстротою движеній двигался медленно и Каменскій ждалъ его въ Базарджикѣ пять дней. Подобное непозволительно говорить, не только печатать; оно

были эти движенія, начавшіяся въ одинъ день на всѣхъ пунктахъ, не взирая на препятствія отъ непріятеля, который безпрестанными нападеніями старался остановить наши войска, — заслуживаетъ удивленія; всѣ части войскъ стали въ назначенное имъ время на опредѣленныхъ мѣстахъ. Румянцевъ предположилъ центръ арміи, при которомъ были всѣ обозы и парки, переправить черезъ Дунай у урочища Гурабадъ, занять позицію у озера Галицы, въ пяти верстахъ отъ Силистріи, не дѣлая нападеній на крѣпость, когда островъ, занятый противъ Силистріи сильнымъ отрядомъ съ осадною артиллеріею, будетъ обстрѣливать ее съ сѣвера,—послѣ того отрядами своими овладѣть деревнями Кайнарджи и Базарджикъ—и тогда уже двинуть Каменскаго съ Суворовымъ на пересѣченіе сообщеній Шумлы (*) съ Варною и Адріанополемъ; но во время первыхъ переходовъ, получивъ извѣстіе, что 40,000 Турковъ посланы визиремъ для вытѣсненія Русскихъ за Дунай, — предписалъ Суворову немедленно соединиться съ Каменскимъ, разбить непріятеля и слѣдовать на пути его сообщеній. Соединеніе Суворова съ Каменскимъ послѣдовало за нѣсколько часовъ до открытія непріятельскаго авангарда передовыми войсками послѣдняго. Турки, опрокинувъ кавалерію Каменскаго, были остановлены полками Суворова, который, не смотря ни на утомленіе войскъ, сдѣлавшихъ усиленный переходъ въ ночи, ни на нестерпимый зной, быстро преслѣдовалъ непріятеля. Турки мужественно оспоривали каждый шагъ въ лѣсистой и гористой мѣстности; но когда наши вышли на равнину и построились въ каре, тогда, не взирая на отчаянныя нападенія янычаръ и Албанцевъ, были разбиты; лагерь, обозы и артиллерія достались побѣдителямъ. Намѣреніе Румянцева, какъ я уже говорилъ, было исполинское; исполненіе его выше всякой похвалы: съ арміею, пять разъ слабѣйшею въ-сравненіи съ турецкою, сталъ на чертѣ ея сообщеній и, войдя въ средоточіе силъ непріятельскихъ, разъединилъ ихъ и лишилъ возможности получать что-либо извнѣ стѣнъ крѣпостныхъ, тогда-какъ самъ, дѣйствуя путемъ сообщеннымъ, могъ передвигать полки свои на угрожаемый пунктъ и совершенно былъ безопасенъ на-счетъ своего продовольствія. Верховный визирь увидѣлъ опасность своего положенія, когда уже не было возможности помочь бѣдѣ; сильныя нападенія корпусовъ его арміи и частыя вылазки изъ крѣпостей, всегда отражаемыя и предупреждаемыя, распространили среди Турковъ уныніе и ужасъ. Всѣ отряды, высылаемые на фуражировку, были истребляемы, и вскорѣ оказался недостатокъ въ

не возвышаетъ, но унижаетъ Суворова. Ничего не можетъ быть предосудительнѣе и безчестнѣе для генерала, какъ неповиновеніе власти главнокомандующаго и неисполненіе его приказаній, хотя бы подчиненный и видѣлъ какіе-либо недостатки, ибо часто на войнѣ предполагаемая несообразность частнымъ начальникомъ есть слѣдствіе незнанія намѣреній главнокомандующаго и общаго хода военныхъ дѣйствій. За что же вы, г. Полевой, черните имя Суворова, его, который, чувствуя высшее призваніе, долженъ былъ примѣромъ своимъ внушать необходимость строгаго и безпрекословнаго повиновенія, выставляете интриганомъ, готовымъ жертвовать подчиненными и славою оружія изъ пустаго самолюбія?

(*) Вытѣснять турецкую армію изъ Шумлы вздумалъ г. Полевой.

продовольствія, особенно въ Шумлѣ, которая не была достаточно снабжена, въ томъ предположеніи, что, владѣя дорогою въ Варну, легко получать все нужное моремъ (*). Турецкая армія должна была или погибнуть съ голода, или сдаться; оказались неповиновеніе и побѣги; толпы, оставляя лагерь, причиняли величайшее насиліе и грабежи въ имперіи; въ самомъ Константинополѣ готовилось возстаніе — и визирь долженъ былъ подписать тотъ знаменитый кучук-кайнарджискій миръ, который принесъ Россіи неисчислимыя выгоды. Турція признала независимость Крыма — слѣдовательно, и будущее его присоединеніе къ Россіи; всѣ земли до Буга, Азовъ съ его областью, Керчь и Ениколь въ Крыму были уступлены Россіи; для ея торговли открылись всѣ пристани, порты, и самыя Дарданеллы объявлены свободными для прохода; Россіи предоставлено покровительство христіанъ въ Турціи, и Порта заплатила 4,500,000 рублей серебромъ за военныя издержки.

Таковы были послѣдствія этой знаменитой кампаніи. Мы подобной не находимъ ни у древнихъ, ни у новѣйшихъ народовъ. Конечно, въ ней не встрѣчаются ни втаптыванія, ни разгромленія, ни сильные натиски, ни быстрые переходы, ни кровопролитныя сраженія, которыя нужны для трескучихъ эффектовъ и барабанныхъ выраженій чернильныхъ героевъ,—но за то въ ней высшія начала военной науки развиты до высокаго совершенства; ими, а не гибелью тысячь падшихъ собратій рѣшилась судьба долговременной и тяжкой войны.

Послѣ всего этого, предоставляю г. Полевому изобрѣсть приличное названіе сочинителю, который восклицаетъ: *«Румянцевъ совершенно упалъ духомъ!»* Въ кампаніи Румянцева 1774 года, невозможно было видѣть никакой цѣли; все рѣшеніе войны Румянцевъ предоставилъ счастливой случайности. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, г. Полеваго утверждаетъ донесеніе Румянцева Екатеринѣ, требовавшей отъ него плана военныхъ предположеній на 1774 годъ: «Планы» доносилъ главнокомандующій: «при началѣ войны предполагаемые, подвержены такимъ перемѣнамъ, что при сближеніи съ непріятелемъ должно предоставить «военачальнику распоряженіе дѣломъ какъ время, удобство и обстоятельства ему покажутъ.»

Истина, святая истина, которую должны представлять всѣ военачальники, и съ которыми, подобно Екатеринѣ-Великой, должны соглашаться государи. Къ мнѣнію, высказанному Румянцевымъ, можно еще присовокупить, что планы кампаній, сочиняемые заранѣе, нерѣдко бываютъ извѣстны тѣмъ, противъ кого они составлены, и тогда самыя превосходныя соображенія и распоряженія главнокомандующаго не достигаютъ своей цѣли (**).

(*) Мы еще не имѣли флота на Черномъ-Морѣ, почему въ 1773 году всѣ запасы для турецкой арміи безпрепятственно доставлялись чрезъ Варну.

(**) Событія настоящей войны могутъ удостовѣрить въ справедливости этого предположенія. Выше мы видѣли, что въ кампаніи 1771 года, Румянцевъ долженъ былъ не допускать Турковъ подать Крыму сухопутную помощь и взять Журжу и Турно. Этотъ планъ составлялся въ Петербургѣ, то и былъ извѣстенъ Туркамъ, почему на

Важность тайны военныхъ дѣйствій можетъ выразиться отвѣтомъ Павла-Эмилія. Кто-то спросилъ его, что̀ онъ предполагаетъ дѣлать? — «Я бы сжегъ рубашку, еслибъ она знала это!» отвѣчалъ римскій полководецъ.

Суворовъ повторилъ отвѣтъ Румянцева австрійскому правительству, что до мѣстнаго обозрѣнія ничего рѣшить не можетъ для дѣйствій въ Италіи. «Не-уже-ли вы не имѣете своего опредѣленнаго плана?» возразилъ ему Тугутъ. — «Плана» отвѣчалъ ему Суворовъ: — «а вотъ мой планъ»: онъ развернулъ бланкетъ императора Павла. Это вы же, г. Полевой, выставляете, еще и съ картинкою, какъ превосходное дѣло. Гдѣ же тутъ безпристрастіе, безъ котораго исторія есть вымыселъ, повѣсть давно минувшихъ лѣтъ, преданье старины глубокой?

Еслибъ истина водила перомъ вашимъ, тогда бы вы, въ назиданіе нашимъ юнымъ воинамъ, выставляя безсмертныя дѣла Суворова, указали и на его погрѣшности. Одинъ Богъ безъ грѣха. Вы бы сказали: Суворовъ отъ своей самоувѣренности едва не потерялъ Кинбурна, а всего болѣе—могъ лишить Россію Суворова, жизнь котораго была драгоцѣнна для славы нашего оружія (*);—вы бы сказали, что онъ своею запальчивостію, при осадѣ Очакова, былъ причиною смерти нѣсколькихъ тысячь храбрыхъ воиновъ, погибшихъ безъ пользы и славы.

Мы кончили возраженіе противу злословія на Румянцева; теперь, для бо̀льшаго удостовѣренія въ добросовѣстномъ изложеніи событій г-мъ Полевымъ, бросимъ бѣглый взглядъ на сравненіе его первой турецкой войны временъ Екатерины-Великой подъ предводительствомъ Румянцева со второю, въ которую начальствовалъ войсками Потемкинъ.

«Чрезъ 12-ть лѣтъ послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, говоритъ г. Полевой, началась вторая Турецкая война, далеко затмившая первую Румянцевскую.—Званіе главнокомандующаго принадлежало въ теченіи ея Потемкину, но герой сей войны былъ Суворовъ».

правомъ крылѣ ихъ операціонной линіи были разбросаны малые отряды, хотя всѣ главные пути военныхъ дѣйствій лежатъ на немъ; напротивъ, значительныя ихъ силы были сосредоточены на лѣвомъ крылѣ, чтобъ дѣйствовать въ оборону Журжи.

(*) Предъ началомъ второй турецкой кампаніи, Суворовъ съ 30,000 войска охранялъ Крымъ и находился въ Кинбурнѣ, построенномъ на косѣ днѣпровскаго лимана, противъ Очакова, сильной турецкой крѣпости. 19-го августа явился предъ нею непріятельскій флотъ съ десантнымъ войскомъ. 1-го октября были явныя приготовленія къ высадкѣ войска, но Суворовъ не дѣлалъ никакого сопротивленія къ отраженію непріятеля, тогда-какъ сильныя батареи крѣпости обстрѣливали все про̀странство и могли остановить покушеніе Турковъ. Суворовъ даже не подвинулъ войскъ въ 25 верстахъ расположенныхъ. Турки, высадя 6,000 отборнаго войска, безпрепятственно окопались, и когда ложементы были кончены, суда возвратились въ Очаковъ, чтобъ не было надежды къ отступленію. Крѣпостные валы безмолствовали, когда Юзъ-паша повелъ своихъ на приступъ — Суворовъ думалъ неожиданнымъ ударомъ смять непріятеля. Дѣйствительно, переднія ихъ толпы были разстроены, но ободренные примѣромъ своего начальника, врубились въ ряды Русскихъ и ихъ опрокинули. Суворовъ былъ жестоко раненъ, большая часть его солдатъ пали, и если бъ не прискакали 10 эскадроновъ кавалеріи, тогда бы гибель остальныхъ и Суворова была неминуема, тѣмъ болѣе, что весь гарнизонъ былъ выведенъ въ поле и нѐ кому было прикрыть отступленія. За истребленіемъ гарнизона слѣдовало взятіе Кинбурна и Херсона, въ которомъ была наша черноморская корабельная верфь.

Разсмотримъ, что это за необыкновенная война, которая могла затмить безсмертныя дѣла Румянцева.

Россія съ Австріею заключила трактатъ, по которому, въ случаѣ войны съ Турціею, обѣ державы обязались дѣйствовать общими силами; въ-слѣдствіе чего, въ 1787 году, союзники выставили: Россія 140,000 (*), Австрія 120,000. Силы Турковъ простирались до 450,000; изъ нихъ 200,000 были въ крѣпостяхъ и до 250,000 дѣйствующихъ на всѣхъ точкахъ ихъ оборонительной линіи. Союзники въ полѣ были сильнѣе непріятеля; но громады ихъ войскъ, сдѣлавъ нѣсколько переходовъ, остановились, допустя Турковъ открыть военныя дѣйствія нападеніемъ на Кинбурнъ. Вотъ первая потемкинская кампанія, затмившая румянцевскую. Въ 1778 году, предположенный въ предъидущую кампанію планъ, былъ приведенъ въ исполненіе. Румянцевъ просилъ императрицу уволить его отъ командованія, но ему приказано было осадить Хотинъ и по взятіи его, съ арміею Потемкина, который также долженъ былъ взять Очаковъ, открыть военныя дѣйствія занятіемъ Молдавіи и Валахіи. Единства въ начальствѣ надъ войсками не было; старшій, по званію фельдмаршала, былъ Румянцевъ, но командованіе войсками, по власти, принадлежало Потемкину.

Г. Полевой обвиняетъ Румянцева въ медленной осадѣ Хотина, которая продолжалась два мѣсяца; но не забудьте, что правильная осада не штурмъ, что Хотинъ имѣлъ 30,000 гарнизона, былъ укрѣпленъ лучшими французскими инженерами и представлялъ въ настоящую осаду болѣе затрудненій, чѣмъ въ кампанію 1770 года, въ которую графъ Панинъ взялъ эту крѣпость въ-теченіи пятидесяти дней, имѣя передъ собою побѣдоносную румянцевскую армію. Кагульская побѣда имѣла сильное вліяніе на ускореніе сдачи Хотина, тогда-какъ Румянцевъ съ 40,000 долженъ былъ и осаждать крѣпость и составлять изъ осадной арміи наблюдательные корпуса. Усиленная осада влечетъ за собою большую трату людей, а Румянцеву не было нужды спѣшить, ибо онъ долженъ былъ открыть военныя дѣйствія въ Молдавіи по соединеніи съ арміею Потемкина (**). Посмотримъ, что дѣлалъ этотъ баловень судьбы, великолѣпный князь Тавриды. Потемкинъ съ 60,000 человѣкъ два мѣсяца шелъ къ Очакову и прибылъ къ нему 20-го іюня, когда въ маѣ долженъ былъ начать осаду. Суворовъ изъ Крыма привелъ пѣхотную дивизію, въ числѣ 10,000 человѣкъ, и въ іюлѣ мѣсяцѣ 20,000 казаковъ и другихъ иррегулярныхъ войскъ присоединилъ къ осадной арміи (***), такъ-что численность войскъ подъ начальствомъ Потемкина простиралась до 90,000 человѣкъ. Въ исходѣ іюля, слѣдовательно, чрезъ мѣсяцъ отъ прихода къ крѣпости, началась осада, и какая осада! безпорядочнѣе которой нельзя найдти въ военной исторіи. Осадныя работы подвигались медленно, можно сказать — нехо-

---

(*) Изъ которыхъ 30,000 охраняли Крымъ, 40,000 были назначены для осады Хотина, 60,000 для осады Очакова и 10,000 расположены по Кубани для наблюденія за Горцами и Нагайцами.

(**) Г. Полевой обвиняетъ Румянцева, что онъ, оскорбясь равенствомъ назначенія съ Потемкинымъ, не думалъ помогать ему. Но какимъ образомъ Румянцевъ могъ помогать Потемкину, когда находился подъ Хотинымъ, а Потемкинъ подъ Очаковымъ, подъ которымъ пробылъ до 6-го декабря, когда уже армія Румянцева давно была расположена въ Малороссіи на зимнихъ квартирахъ?

(***) Которые въ октябрѣ были отпущены по домамъ по недостатку фуража и какъ войско безполезное при осадѣ.

*

ти, но за то безполезный огонь артиллеріи не умолкалъ день и ночь. Когда открыта была брешь и указанъ легкій путь къ приступу, Потемкинъ кусалъ ногти и не двигался, боясь минъ, которыми, по слухамъ, была окружена крѣпость, особенно противъ лѣваго фланга осадной арміи. Онъ выжидалъ сдачи города отъ недостатка продовольствія, въ которомъ, по увѣренію перемѣтчиковъ, терпѣли нужду. Не одинъ Суворовъ, г. Полевой, но многіе генералы не только желали, но и представляли возможность и необходимость штурма, особенно начальникъ артиллеріи и осадныхъ работъ, генералъ Миллеръ, который въ военномъ совѣтѣ доказывалъ успѣхъ приступа. Князь Репнинъ (*), какъ старшій послѣ Потемкина и главный распорядитель осады, возсталъ противъ этого предположенія, утверждая опасность штурма; тогда Миллеръ, въ жару пренія, вызвался доказать на дѣлѣ основательность своего предположенія. На другой день ему позволено было взять 300 человѣкъ охотниковъ изъ полковъ и артиллеріи; къ послѣднимъ онъ присоединилъ двухъ своихъ сыновей (офицеровъ артиллеріи). Эта колонна бросилась въ проломъ, овладѣла имъ и, пробывъ нѣсколько времени за крѣпостными укрѣпленіями, возвратилась, не бывъ даже преслѣдуема. Это доказательство дорого стоило Миллеру:—онъ потерялъ любимаго сына, въ проломѣ убитаго пулею, а другой былъ раненъ, недоходя до крѣпости. Моментъ успѣха былъ потерянъ. Суворовъ, скучая бездѣйствіемъ, вздумалъ взять крѣпость нечаяннымъ ударомъ. Не предупредя никого, онъ завязалъ дѣло съ Турками и, постепенно подкрѣпляя стрѣлковъ, со всѣми полками своей дивизіи бросился штурмовать самое сильное мѣсто крѣпости. Солдаты спустились въ ровъ, но, не имѣя лѣстницъ, не могли подняться на валъ; они, поддерживая другъ друга, неустрашимо лѣзли на крѣпость и были поражаемы меткими выстрѣлами Турковъ, которые, сдѣлавъ вылазку, смяли нашихъ. Суворовъ былъ жестоко раненъ; нѣсколько тысячь храбрыхъ гренадеръ пали и почти весь Фанагорійскій полкъ былъ изрубленъ. Прибывшее подкрѣпленіе дало возможность спасти остатки дивизіи отъ совершеннаго истребленія (**). Потемкинъ былъ сильно огорченъ этимъ событіемъ, укорялъ Суворова въ напрасной потерѣ людей и еще болѣе охладѣлъ къ штурму. Проливные дожди, начавшіеся въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и морозы въ октябрѣ, необыкновенное явленіе того края, произвели повальныя болѣзни;

(*) Будущій герой мачинской битвы имѣлъ неоспоримыя воинскія достоинства; но съ непомѣрною гордостью соединялъ зависть ко всему выше его достоинствами. Унижаясь предъ Потемкинымъ и пользуясь его неограниченною довѣренностью, онъ не ускорялъ, но замедлялъ ходъ осады, конечно, въ надеждѣ, что Потемкину наскучитъ война и онъ останется главнокомандующимъ.

(**) Вотъ слѣдствія неудавшагося штурма. Очакову суждено было видѣть и прежде этого подобный штурмъ. При осадѣ его въ царствованіе Анны Іоанновны, Минихъ, увидя въ городѣ пожаръ, приказалъ арміи напасть на крѣпость. Полки пошли на приступъ, но не было ни фашинъ, чтобъ завалить рвы, ни лѣстницъ для штурма; армія нѣсколько часовъ стояла подъ меткимъ и гибельнымъ огнемъ непріятеля, не нанося ему никакого вреда. Румянцевъ (но не Задунайскій), командуя центромъ арміи, видя, что пламя приближается къ пороховымъ магазинамъ, долженъ былъ отодвинуться отъ крѣпости; однакожь это отступленіе вовлекло армію въ бѣгство. Минихъ взялъ знамя и батальйонъ лейб-гвардіи измайловскаго полка, повелъ его къ крѣпости, но при всемъ мужествѣ измайловцевъ, бросившихся во рвы, наполненные водою, не было никакой возможности выйдти изъ нихъ. Казалось, все должно погибнуть, но счастіе спасло Миниха: комендантъ, вмѣсто того, чтобъ общею вылазкою уничтожить совершенно-разстроенную армію Русскихъ, выставилъ бѣлое знамя.

смертность между солдатами была необыкновенно-велика, не смотря на превосходное ихъ содержаніе, даже роскошь, царствовавшую въ лагерѣ (*). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ пошелъ снѣгъ и явились сильныя метели; люди замерзали на постахъ, и должно было отрывать баттареи изъ-подъ снѣга для дѣйствія. Такъ шла осада. Что же дѣлалъ Потемкинъ? Убаюканный лестію окружающихъ, въ роскошномъ жилищѣ своемъ онъ слушалъ музыку Сарти. Надо жь было положить конецъ этой удивительной осадѣ, и крѣпость взята штурмомъ 6-го декабря, т. е. чрезъ пять съ половиною мѣсяцевъ отъ обложенія. Русскіе потеряли болѣе 20,000 человѣкъ, погибшихъ въ сраженіяхъ и отъ болѣзней. Если медленность и безпорядокъ при осадѣ были причиною столь необыкновенной потери людей, то не менѣе того переходъ арміи на зимнія квартиры представлялъ самую мрачную картину, изображеніе того ужаснаго состоянія войскъ, какое мы видимъ во французской арміи 1812 г., при бѣгствѣ ея отъ Смоленска. Команды, застигнутыя въ степи снѣжными бурями, при сильной стужѣ, замерзали; обозы ломали и жгли, чтобъ поддержать остатки угасающей жизни; лошади въ кавалеріи и артиллеріи пали, не на чемъ было везти продовольствія, ни полковыхъ пушекъ (осадная артиллерія была оставлена въ Очаковѣ). Переходъ болѣе 500 верстъ былъ усѣянъ погибшими людьми, лошадьми, быками и брошенными обозами и пушками; не доставало только непріятеля, чтобъ совершенно истребить армію. Въ январѣ мѣсяцѣ 1788 года, армія, или, лучше сказать, обломки арміи, уничтоженной въ составныхъ частяхъ ея, достигли зимнихъ квартиръ, принеся въ жилища Малороссіянъ заразительныя болѣзни—слѣдствіе тяжкихъ трудовъ и лишеній. Такъ кончилась вторая потемкинская кампанія, затмившая румянцевскую. По-крайней-мѣрѣ Русскіе взяли двѣ сильныя крѣпости, тогда-какъ Австрійцы могутъ хвалиться изобрѣтеніемъ кордонной системы и безпрестанными пораженіями.

Кампанія 1789 года представляетъ отсутствіе всякой мысли и энергіи. Потемкинъ, имѣя подъ ружьемъ 100,000 человѣкъ, не умѣлъ распоряжаться этою громадою войска; онъ даже допустилъ Турковъ открыть наступательныя дѣйствія, чего никогда не случалось въ войнахъ Румянцева (**). Побѣды Суворова въ соединеніи съ Австрійцами подъ Фокшанами и на Рымникѣ не принесли никакой существенной пользы для хода цѣлой кампаніи, потому-что Потемкинъ не умѣлъ ими воспользоваться; эти побѣды можно сравнить съ прекрасными отрывками, внесенными въ плохую книгу. Еслибъ силы, выставленныя Россіею, были ввѣрены Румянцеву, тогда военныя дѣйствія кончились бы за Дунаемъ съ

(*) Мы уже выше говорили, что людямъ всякій день выдавалась говядина, вино и по десяти копеекъ на человѣка; устроены были рынки, гдѣ можно было найдти все, не только необходимое для продовольствія, но и для роскоши.

(**) Не подумайте, г. Полевой, что, описывая осаду Очакова и военныя дѣйствія Потемкина, я хочу унизить его достоинства. Онъ былъ великій человѣкъ и по силѣ характера и по дѣламъ, полезнымъ для государства, но только не на военномъ поприщѣ.

важными пріобрѣтеніями для Россіи; напротивъ, Турки не только не хотѣли ничего уступать, но еще требовали возвращенія Крыма и земель, отданныхъ ими по кайнарджискому договору.

Кампанія 1790 года, по медленности и нерѣшительности, превосходитъ всякое вѣроятіе; она ниже даже предшествовавшаго года. Потемкинъ то подвигалъ войска, то останавливалъ, давалъ приказаніе сразиться съ непріятелемъ, а на другой день воспрещалъ всякое дѣйствіе. Наконецъ, безпримѣрный въ военныхъ лѣтописяхъ штурмъ Измаила, покрывшій новою славою Суворова, заключилъ кампанію этого года, не выкупя ничтожества ея и не имѣя никакого вліянія на окончаніе войны. На другой годъ, князь Репнинъ, командуя арміею за отсутствіемъ Потемкина, перенесъ военныя дѣйствія за Дунай и, разбивъ верховнаго визиря подъ Мачиномъ, заключилъ миръ, подтверждающій кайнарджискій договоръ, но безъ вознагражденія за военныя издержки, которыя были необыкновенно-велики, ибо Потемкинъ не жалѣлъ ничего и ничего не умѣлъ извлечь изъ способовъ земли, имъ занимаемой.

Такъ производилась и кончилась вторая турецкая война, по мнѣнію г. Полеваго далеко затмившая первую, румянцевскую,—не принеся государству никакихъ выгодъ, кромѣ великихъ потерь въ людяхъ и деньгахъ и славу отдѣльныхъ битвъ, подаренныхъ Суворовымъ.

Не увлекаясь ни разсказами небывалыхъ свидѣтелей, ни тайными записками клеветниковъ и завистниковъ, ни судомъ потомства въ лицѣ г. Полеваго, но смотря на дѣла съ ихъ послѣдствіями, должно признать Румянцева великимъ полководцемъ. Его кампаніи 1770 и 1774 годовъ представляютъ для военной науки важныя данныя; онѣ знамениты не по тѣмъ, можно сказать, баснословнымъ подвигамъ и великимъ послѣдствіямъ, отъ нихъ происшедшимъ, но по тѣмъ глубокимъ воинскимъ соображеніямъ, по той обдуманности плана, по тому хладнокровному мужеству и вмѣстѣ пылкости въ исполненіи, которыя доступны только геніямъ. Его дѣйствія не поражаютъ внезапностію, за то въ нихъ нѣтъ мѣста случайности.

Одна только италіянская кампанія Суворова стоитъ рядомъ съ кампаніями Румянцева 1770 и 1774 годовъ, ибо въ эту только кампанію могъ явиться весь необъятный геній Суворова, обнаружиться тѣ великія воинскія соображенія, которыя не могли ни развиться, ни выказаться въ войнахъ турецкихъ и польскихъ и которыя однѣ даютъ право на имя великаго полководца. Для этого имени недостаточны сраженія при Фокшанахъ и на Рымникѣ (*), ни штурмъ Измаила и Праги. Первые были дѣти внезапности (**), а не полководческихъ соображеній,

(*) Эти сраженія казались исполинами среди ничтожныхъ дѣлъ второй турецкой войны; но въ войнахъ Румянцева они были обыкновенными дѣлами, не говоря уже о битвахъ при Ларгѣ и Кагулѣ; но безпристрастно сравнивая ихъ съ сраженіями выигранными Вейсманомъ и даже въ 1771 году Эссенымъ, когда онъ съ 8,000 разбилъ 50,000 Турковъ, они не представляютъ ничего удивительнаго. При Фокшанахъ союзники имѣли 25,000 противъ 40,000, на Рымникѣ 32,000 противъ 100,000.

(**) Потому-что они не были слѣдствіемъ какихъ-либо предположеній, или исполненія плана кампаніи, а вынуждены необходимостію—нужно было отразить нападеніе непріятеля. Въ тактическомъ отношеніи, эти сраженія имѣютъ неоспоримыя достоинства.

послѣднія—силы воли и отваги. Штурмъ крѣпости есть жребій, вынутый изъ урны судьбы. Это постигалъ и самъ Суворовъ, говоря о Кутузовѣ послѣ взятія Измаила: «*мы другъ друга знаемъ; ни онъ, ни я не пережили бъ неудачи* (*). Кстати о штурмахъ, которые такъ плѣняютъ кабинетныхъ героевъ, потому-что можно написать въ исторіи: «Измаилъ лежалъ безмолвною могилой, опаленный пожаромъ, залитый кровію». Но представьте себѣ эту ужасную минуту, когда колонны, полныя жизни, обрекая себя на смерть, идутъ на приступъ; когда люди, превратясь въ дикихъ звѣрей, истребляютъ другъ друга; стоны погибшихъ тысячь, рыданіе пережившихъ ихъ гибель,—вы отвратите взоры отъ этой плѣнительной картины и скажете, что штурмъ есть величайшее зло въ злѣ, какимъ представляется война наблюдательному уму. Къ-счастію, въ войнахъ XIX столѣтія, мы уже не встрѣчаемъ истребленія цѣлыхъ населеній въ городахъ, ибо искусство аттаки превосходитъ искусство обороны крѣпостей.

Не отвергаю необходимости штурма,—но когда и въ какомъ случаѣ? Когда штурмомъ можно рѣшить судьбу войны (таковы были штурмы Праги Суворова и варшавскихъ укрѣпленій Паскевича [**]); когда нападающій имѣетъ нравственное и числительное превосходство и инженерныя работы и дѣйствія артиллеріи открыли свободный путь къ приступу; въ такомъ положеніи былъ Очаковъ еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ; штурмомъ его Потемкинъ сохранилъ бы жизнь тысячамъ солдатъ, погибшихъ отъ изнуренія и болѣзней во время осады и при переходѣ на зимнія квартиры. Встрѣчаются и другія обстоятельства: внезапность, возможность воспользоваться безпорядкомъ разбитаго при вылазкѣ гарнизона, или части его, ужасъ непріятеля, внушенный безпрестанными его пораженіями, какъ было въ кампаніи 1771 года, когда Турки трепетали, завидя малые отряды Русскихъ,—случаи, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни исчислить. Но штурмъ Измаила не заключалъ въ себѣ ни одного изъ этихъ данныхъ и былъ напраснымъ кровопролитіемъ, неимѣвшимъ даже вліянія на ходъ войны. Эту крѣпость можно было взять въ-теченіи лѣта 1790 года, не останавливая даже перенесенія театра войны за Дунай. Потемкинъ, имѣя подъ ружьемъ 100,000 войска, могъ отдѣлить 40,000 для осады Измаила и съ 60,000 идти по пути, указанному Румянцевымъ въ кампанію 1774 года.

Къ достоинству Румянцева должно отнести удивительную попечительность о сохраненіи людей, безъ всякихъ средствъ, по однѣми мѣрами благоразумія и бдительнаго надзора; онъ, въ 1771 году, прекра-

---

(*) Кутузову порученъ былъ самый важный пунктъ на штурмѣ. Когда Измаилъ былъ взятъ, Суворову разбили палатку на крѣпостномъ валу. Всѣ начальники колоннъ явились поздравить его; онъ каждаго обнималъ, приговаривая: «если бы не «ты, то не взять бы намъ крѣпости». Послѣ всѣхъ пришелъ Кутузовъ; Суворовъ, увидя его, закричалъ: «покури, покури, Прошка; порохомъ запахло!» и, не сдѣлавъ ему никакого привѣтствія, выбѣжалъ изъ палатки.

(**) Притомъ, укрѣпленія Праги и Варшавы, можно сказать, были усиленныя полевыя укрѣпленія, но не крѣпости съ правильными твердынями, каковыми представляется Измаилъ и крѣпости ему подобныя.

тилъ въ войскѣ ужасныя дѣйствія чумы, когда она со всею силою свирѣпствовала въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи (*). Герой Кагула признавалъ жизнь солдата драгоцѣнностью; поэтому, въ самыхъ важныхъ его дѣлахъ и предпріятіяхъ, потеря людей была ничтожна. Силою своего генія онъ достигалъ тѣхъ же результатовъ, какихъ достигаютъ многіе великіе полководцы потерею солдатъ.

«Предвидя неудовольствія» продолжаетъ г. Полевой: «когда Румянцевъ назначилъ его въ Крымскій корпусъ въ 1777 г., подчинивши Прозоровскому, Суворовъ писалъ Потемкину (изъ Ахмечети въ іюлѣ 1777 г.): «здѣсь мнѣ нечего ждать, и велика была бы милость, если бы препоручили вы мнѣ отдѣльный корпусъ.»—Когда, по выздоровленіи своемъ послѣ Крымской лихорадки, бывши въ Опошнѣ (близь Полтавы) Суворовъ получилъ приказъ Румянцева опять отправиться въ Крымъ, онъ писалъ Потемкину (въ ноябрѣ 1777 г.): «въ службѣ благополучіе мое зависитъ отъ васъ! Графъ П. А. опять посылаетъ меня въ Крымъ — не оставьте покровительствомъ».—Потемкинъ перевелъ Суворова начальникомъ надъ Кубанскою линіею и устранилъ отъ власти Румянцева. Мы видѣли, какія важныя дѣла предлежали въ Крыму въ 1778 г.— угроженіе Турокъ высадкою, прекращеніе смятеній, переселеніе Грековъ и Армянъ изъ Крыма. Суворовъ былъ тогда посланъ въ Крымъ вмѣсто Прозоровскаго уже по волѣ Потемкина. Имѣя тайныя повелѣнія, онъ поступалъ смѣло и рѣшительно. Мы не повѣрили бы, если бы не имѣли безспорныхъ доказательствъ, что герой Кагула унизился тогда до мѣлкой, ничтожной интриги противъ Суворова. Не зная тайныхъ повелѣній, данныхъ ему, онъ противился своевольнымъ, какъ онъ думалъ, распоряженіямъ Суворова, писалъ къ Хану, останавливалъ переселенія Крымскихъ христіанъ, требовалъ строгаго отчета — даже поощрялъ низкихъ клеветниковъ, увѣрявшихъ, что Суворовъ грабитъ Крымъ, допускаетъ своевольство солдатъ, беретъ подарки отъ Хана. Въ тайной запискѣ Потемкину Суворовъ съ негодованіемъ и прискорбіемъ опровергалъ клеветы. «Говорятъ»—писалъ онъ — будто я сказалъ, что иду завоевать Крымъ. Нѣтъ! я хвастаю только тѣмъ, что сорокъ лѣтъ служу непорочно. Говорятъ, будто я требовалъ у Хана—стыдно сказать — красавицы, но я кромѣ брачнаго ничего не разумѣю. Говорятъ, будто я требовалъ аргамаковъ, а я ѣзжу на подъемныхъ — «лучшихъ уборовъ» — да ящика-то у меня для нихъ нѣтъ — «драгоцѣнностей» — да, у меня множество брильянтовъ изъ высочайшихъ въ свѣтѣ ручекъ—«Индійскихъ парчей»—а я, право и не зналъ есть ли они въ Крыму!» — Суворовъ не скрывалъ и именъ клеветниковъ, и горько жалуясь на Румянцева: «фельдмаршала я непрестанно боюсь» писалъ онъ. «По выводѣ христіанъ порадовалъ было онъ меня письмомъ къ Хану, а послѣ прислалъ другое, гдѣ меня ему выдастъ. Кажется такое дѣло *низковато*. Мнѣ пишетъ онъ будто изъ облака! Только все поздно: христіане выведены, а его распоряженія успѣху были бы явною помѣхою. Боюсь я Его Сіятельства, очень боюсь! Хотя бы уже онъ, купоросность отлагая равнодушно смотрѣлъ лучше въ конецъ, или терпѣливо ждалъ бы его. А то по мечтѣ какой-то изъ Иліады, особливо, Боже сохрани въ прицѣпкѣ по мнимымъ неудачамъ, выбьетъ онъ мнѣ изъ своихъ Вишенокъ (имя деревни, гдѣ жилъ тогда Румянцевъ) костьми и мозгъ и глаза... Преподаванія его обыкновенно, послѣ Иліаднаго экстракта, брань, иногда облеченная розами. Дрожалъ я за Ахтіаръ, ибо отъ него о томъ не имѣлъ ни слова, кромѣ темныхъ амблеммъ.—А потомъ на концѣ похвалилъ, будто *я его* повелѣнія выполнилъ! Дрожу и нынѣ по христі-

---

(*) Въ послѣднюю турецкую войну князь Паскевичъ подобными мѣрами также прекратилъ въ войскѣ чуму и въ-теченіи шестнадцати дней потерялъ не болѣе восьмидесяти человѣкъ, хотя она была въ самомъ разгарѣ своей силы. Эти мѣры такъ поучительны, что заслуживаютъ вниманія командующаго войсками. Онѣ помѣщены въ Сводѣ Воен. Зак., ч. III, кн. I, прил. V ст. 178, примѣч.

лянамъ, ибо въ производствѣ кромѣ брани ничего не было, а въ С.Петербургѣ красно отзываться великому человѣку можно! И за Турокъ боюсь чего-нибудь. *Не освѣщаются ли нынѣ и прежнія мои невинныя страданія, происходившія только отъ неожиданныхъ мною успѣховъ!*—По общему правилу, *судьба* и *воля*: послѣдняя въ мѣрахъ человѣческихъ, а первая въ благословеніи Божіемъ. У тварей нашего рода отнимающіе время пороки мною не обладали: и началъ я жить отъ мушкета!»

Вся тягость обвиненія въ семъ случаѣ падаетъ прямо на Суворова и Потемкина. Изъ всего, нами сказаннаго, всякій увидитъ, что Суворовъ не терпѣлъ надъ собою начальства, что онъ, подчиненный Румянцева, дѣйствовалъ вопреки его приказаніямъ и искалъ покровительства сильнаго временщика. Во весь разгаръ потемкинской власти, Суворовъ вымаливалъ у него этого покровительства, и смѣялся и охуждалъ его дѣйствія, и только послѣ штурма Измаила, когда уже начала заходить за тучи звѣзда Потемкина и показываться на горизонтѣ другое свѣтило, Суворовъ выпрямился и говорилъ, что награда его зависитъ не отъ Потемкина, а отъ Бога и Государыни. Это не дѣлаетъ чести Суворову.

Румянцевъ былъ главнокомандующій, дѣлалъ распоряженія, а Суворовъ не исполнялъ ихъ, или дѣлалъ все противное, имѣя тайныя предписанія Потемкина. Кто же тутъ виноватъ — предоставляю рѣшить г. Полевому. Но чтобъ Румянцевъ препятствовалъ мѣрамъ правительства въ присоединеніи Крыма и ободрялъ клеветниковъ, что Суворовъ грабитъ — этому никто не повѣритъ. Что онъ получалъ эти донесенія — правдоподобно, ибо Суворовъ, по своему неуклончивому и насмѣшливому характеру, вездѣ имѣлъ враговъ, а по дѣламъ—завистниковъ, которые старались чернить его и представлять дѣла въ превратномъ видѣ. Впрочемъ, донесенія о своевольствѣ и грабежѣ имѣли свое основаніе, не въ-отношеніи къ Суворову, а въ-отношеніи къ лицамъ, его окружающимъ. Великая душа Суворова была чужда корысти; онъ поклонялся славѣ, а не этому идолу, котораго чествовали приближенные Суворова, которому и въ болѣе-просвѣщенное время приносятъ моленія и закалаютъ въ жертву честь, совѣсть и благо государственное. Къ-несчастію, это чувство, несвойственное благородному и прямому характеру русскаго народа, оставленное намъ въ наслѣдство владычествомъ Татаръ и укорененное іудейскимъ племенемъ, проявлялось и будетъ проявляться, доколѣ истинное просвѣщеніе не озаритъ души, не облагородитъ понятій.

Г. Полевой безпрестанно обвиняетъ Румянцева въ недоброжелательствѣ и преслѣдованіи Суворова; но справедливо ли это обвиненіе? Конечно, Румянцеву, какъ и многимъ старшимъ лѣтами и званіемъ, не нравились особенности, усвоенныя Суворовымъ, его причуды и цинизмъ; но могло ли это все нравиться въ человѣкѣ, еще начинающемъ свое поприще? Мы судимъ Суворова по смерти, видя и плѣняясь его великими дѣлами; Румянцевъ судилъ его какъ начальникъ подчиненнаго, въ рядахъ котораго былъ Вейсманъ и многія другія военныя достоинства. Провидѣніе, отмѣчая перстомъ своимъ генія, ведетъ его другимъ путемъ; ему тѣсно и неловко среди толпы глупцовъ и барышниковъ: онъ рвется въ небо, ему родное и знакомое, а толпа тянетъ его

къ землѣ, ей родной и знакомой. Одинъ только геній можетъ постичь это стремленіе своего собрата по духу и окрилить его на дѣла великія и полезныя. Екатерина постигла Суворова, дала ему просторъ, но много ли было Екатеринъ въ мірѣ? Одна! «*Матушка царица!*» воскликнулъ Суворовъ, заливаясь слезами, услышавъ о ея кончинѣ: «*безъ тебя не «видать бы мнѣ ни Кинбурна, ни Рымника, ни Измаила, ни Варшавы!*» Въ другой вѣкъ, при другихъ людяхъ, Суворова почли бъ чудакомъ, человѣкомъ безпокойнымъ, втоптали бъ въ грязь славу оружія русскаго. Румянцевъ понималъ назначеніе Суворова, и какъ Румянцеву было не постичь Суворова! онъ указалъ на него Екатеринѣ при затрудненіи ея выбрать военачальника въ послѣднюю войну съ Польскимъ Королевствомъ. Падите, г. Полевой, передъ памятникомъ Румянцева: онъ былъ великій человѣкъ, какихъ немного въ мірѣ. Это указаніе Румянцева на человѣка, который могъ затмить дѣла его, есть слѣдствіе истиннаго душевнаго величія, которое одно сознаетъ достоинство въ другомъ и старается его возвысить для пользы и славы родной земли.

Не желая дать повода думать, что, защищая Румянцева, я впадаю въ ту же погрѣшность, въ которой обличаю г. Полеваго, т. е. стараюсь возвысить кагульскаго героя въ ущербъ славы Суворова, я долженъ высказать мнѣніе свое объ этихъ необыкновенныхъ людяхъ.

Читали вы книгу, написанную прекрасною прозой? Въ этой книгѣ мысль идетъ ровно, послѣдовательно, безъ скачковъ и отступленій; въ ней каждое слово на мѣстѣ и нѣтъ ни одного выраженія изъисканнаго, ни одного оборота неправильнаго. Эта книга — Румянцевъ съ своею правильностью и точностью движеній и дѣйствій, книга, понятная только для тѣхъ, которые посвящены въ тайны науки.

Но есть другая книга, написанная перомъ великаго поэта, стихомъ звучнымъ и жгучимъ; она увлекаетъ юношу, одушевляетъ старца, она для всѣхъ понятна, для всѣхъ вразумительна. Эта книга — Суворовъ. Это перунъ небесный, — онъ поражаетъ неожиданно и неотразимо. . . . .

Подвиги Румянцева — слѣдствіе труда умственнаго, глубокой думы и соображеній; подвиги Суворова—вспышки генія, усвоившаго себѣ и эту думу и это соображеніе. Идти по слѣдамъ Румянцева можно и должно; подражать Суворову нельзя. Онъ отдѣльно стоитъ на распутіи вѣковъ, какъ отдѣльно стоятъ Александръ-Великій, Аннибалъ, Юлій Цезарь, Фридрихъ-Великій и Наполеонъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ родственное между собою сходство, но не похожъ одинъ на другаго.

Сравнивая Суворова съ Румянцевымъ, какъ полководцевъ, мы видимъ, что они равно понимали высокія тайны войны и военной науки; но Суворовъ выше Румянцева силою характера и обширностію поля битвы: за нимъ Италія и Швейцарія съ его дивными, вдохновенными дѣлами. Гдѣ же мѣсто Суворову? Повторяю, онъ одинъ стоитъ на распутіи вѣковъ: въ немъ и быстрота Александра, и счастіе Цезаря, и высокое мужество Аннибала (*); но въ нихъ нѣтъ того, что составляло душу Суворова,

(*) Въ дѣлахъ Аннибала и Суворова есть много общаго: Сенатъ и Гоф-кригс-ратъ, Сагунтъ и Измаилъ, горы Швейцаріи и поля Италіи и даже послѣднія минуты ихъ

той силы характера, которая, выдвинувъ его изъ толпы, поставила на высоту, ими занимаемую.

Не сравниваю Суворова съ Наполеономъ, какъ великимъ человѣкомъ, потушившимъ революціонный пожаръ, какъ властелиномъ, устроившимъ и возвеличившимъ Францію; но въ ихъ воинскихъ дѣлахъ есть что-то общее; та же быстрота, тотъ же ударъ, та же вспышка генія, которая мгновенно обнимаетъ ходъ дѣлъ и повелѣваетъ обстоятельствами. Суворовъ пламенно желалъ сразиться съ Наполеономъ; но судьба берегла своего избранника для другой высшей цѣли, ибо юное, еще неокрѣпшее въ горнилѣ опыта дарованіе, должно бъ было сокрушиться о закаленную въ битвахъ грудь старца, увѣнчаннаго славою непобѣдимости.

Г. Полевой, не ограничиваясь судомъ надъ Румянцевымъ, даетъ рѣшительный приговоръ и о Екатеринѣ-Великой; послушаемъ его.

«Потемкинъ мечталъ даже, что Россія можетъ отбросить Турковъ изъ Европы въ Азію, подчинить себѣ Закавказье, покорить Элинскій полуостровъ, раздвинуться въ Персію и Индію, уничтожить Польшу, и если бы Европа захотѣла противиться такимъ домашнимъ распоряженіямъ Русской царицы, Россія въ состояніи будетъ вызвать на бой Европу. Всею дѣятельностію ума, всею силою средствъ Россіи приступилъ Потемкинъ къ исполненію своихъ предпріятій». (Стр. 93).

Послѣ этого не удивительно слѣдующее опредѣленіе:

«Чрезъ немного лѣтъ онъ самовластительно управлялъ дѣлами политики и войны,

Рѣшитель дѣлъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ, хотя и не въ порфирѣ.

По словамъ поэта, сказавшаго, что знаменитый царедворецъ умѣлъ взвѣсить мощь Россіи, духъ Екатерины, и опираясь на нихъ, хотѣлъ бросить громъ на твердыни Византійскія. Сей правитель Государства былъ Потемкинъ». (*) (Стр. 89.)

великой жизни. Суворовъ изучилъ Аннибала: этому доказательство берега Требіи; онъ далъ битву по тѣмъ же началамъ, по которымъ карѳагенскій герой поразилъ Римлянъ. Надо замѣтить, что переходъ рѣки въ виду непріятеля, каковъ былъ Аннибалъ, есть верхъ дерзости: это то же, что идти на штурмъ сильной крѣпости, обороняемой мужественнымъ и искуснымъ гарнизономъ; если побѣда не искупитъ рѣшимости, то гибель конечная. Аннибалъ остановился на берегахъ Требіи. Римляне, не смотря на свои пораженія, рѣшились предупредить его. Аннибалъ такъ увѣренъ былъ въ побѣдѣ, что перепустилъ непріятеля черезъ рѣку и далъ ему устроиться. Римская армія была совершенно уничтожена; что спаслось отъ меча, то погибло въ волнахъ. Суворовъ, наученный опытомъ подъ Кинбурномъ, поступилъ осторожнѣе: онъ встрѣтилъ головы французскихъ колоннъ по ихъ выходѣ изъ рѣки. Жаль, что мы не имѣемъ исторіи Аннибала, величайшаго полководца древняго міра; все то, что мы знаемъ о немъ, знаемъ отъ его враговъ. Нѣкоторые обвиняютъ Аннибала, зачѣмъ онъ не пошелъ на Римъ тотчасъ послѣ сраженія при Тразименѣ. Но развѣ можно было поражать римскіе легіоны безъ тяжкихъ потерь, и развѣ можно было штурмовать стѣны Рима, не имѣя ничего для приступа,—того Рима, который вышелъ во срѣтеніе своего консула, потерявшаго армію, благодарить его, что онъ воротился въ Римъ, не усомнясь въ его спасеніи?

(*) По счету г. Полеваго, былъ и еще правитель въ Россіи, намъ неизвѣстный, но открытый, какъ новая комета, или созвѣздіе. Сей необыкновенный человѣкъ (Остерманъ) въ-послѣдствіи бывшій правитель Россіи. (См. «Исторію Петра Великаго» г. Полеваго.)

Что жъ послѣ этого была Екатерина? Неоспоримо, Потемкинъ былъ великій человѣкъ, пользовался неограниченною довѣренностью государыни—но въ кругу дѣлъ, ему монаршею волею указанныхъ; онъ далъ новое устройство арміи; онъ безъ кровопролитія присоединилъ къ Россіи Крымъ, онъ заселилъ степи, онъ уничтожилъ Запорожскую-Сѣчь и преобразовалъ иррегулярныя войска; онъ построилъ черноморскій флотъ; заслуги великія, но этого еще мало для правителя государства. Это—части въ огромномъ цѣломъ, которое двигалось мудростію Екатерины и имѣло другихъ дѣятелей по другимъ частямъ государственнаго управленія, столь же великихъ, какъ и Потемкинъ. Вѣкъ Екатерины можно назвать вѣкомъ великихъ людей на всѣхъ поприщахъ гражданской и умственной жизни Россіи. Каждому дано было въ удѣлъ что-нибудь по его силамъ и способностямъ, но все брало начало свое въ одномъ источникѣ жизни и свѣта, и стекалось въ одной точкѣ—къ подножію престола монархини.

Прочитайте законоположенія, написанныя самою Екатериною; прочитайте ея резолюціи на докладахъ Сената и Коллегій, вы удивитесь мудрости ея, ясному понятію о дѣлахъ и вещахъ по всѣмъ родамъ управленія и согласитесь, что при Екатеринѣ Россіею управляла Екатерина и никто болѣе. Одно можетъ служить укоромъ ея царствованію, что она, видя бездарность Потемкина въ предводительствѣ арміею во вторую турецкую войну, не замѣнила его Румянцевымъ, или Суворовымъ: тогда исторія Европейской-Турціи моглабъ быть кончена. Но кто изъ людей безгрѣшенъ, кто изъ царей безошибоченъ?

Мысль присоединить Польшу къ Россіи родилась и созрѣла въ умѣ Екатерины прежде явленія Потемкина; эта мысль была обработана геніальнымъ человѣкомъ, графомъ Панинымъ, и окончательно приведена въ исполненіе послѣ его смерти и смерти Потемкина. Побѣды Румянцева показали шаткость Турецкой-Имперіи, и Екатерина думала, что можно изгнать Турковъ изъ Европы (*) Потемкинъ ухватился за это намѣреніе монархини и, какъ человѣкъ съ пылкою головою, съ сильнымъ характеромъ, ухватился всѣми силами души своей, но не могъ ни привести его въ исполненіе, начальствуя арміею и флотомъ, ни поддержать, ни отстать, когда Екатерина охладѣла къ греческому проекту и обратилась къ другому, болѣе-полезному для государства — къ окончательному раздѣлу Польши.

Въ устроеніи государства (**), Потемкинъ не принималъ никакого участія; лучшія постановленія вышли до него и безъ него. На этомъ поприщѣ также былъ человѣкъ необыкновеннаго ума—князь Вяземскій. Всѣ превосходные уставы Екатерины, которые и до-сихъ-поръ слу-

(*) Что эта мысль принадлежала собственно Екатеринѣ, можетъ служить доказательствомъ какъ учрежденіе, прежде явленія Потемкина, въ-продолженіе первой турецкой войны, греческаго училища, такъ и то, что второй сынъ Императора Павла названъ былъ Константиномъ и обучался по-гречески: тутъ явно видно намѣреніе возстановить греческую имперію.

(**) Въ другомъ мѣстѣ г. Полевой говоритъ, что Потемкинъ устроилъ Россію.

жать основаніемъ государственнаго благоустройства, неоспоримо были созданія генія Екатерины, но обработывались подъ вѣдѣніемъ и непосредственнымъ участіемъ Вяземскаго. Даже въ дѣлахъ, Потемкину порученныхъ, Екатерина сохраняла царственное вліяніе и наблюдала за неуклоннымъ исполненіемъ законовъ (*). Чтобъ объявлять судъ потомства и безошибочно сказать — тотъ-то и тотъ-то были правители государства, нужно не чтеніе одъ, не компиляція ~~въ вздорныхъ~~ книгъ, но изученіе фактовъ, вѣрный взглядъ на жизнь народа въ данное время, на дѣла его правителей не по слухамъ, не по тому, что такъ говорили, но по тому, что̀ они сдѣлали для счастія ихъ современниковъ, что̀ они оставили для блага потомковъ. Въ этомъ отношеніи, Екатерину можно назвать великою изъ среды великихъ государей. Спросите у уцѣлѣвшихъ остатковъ славнаго вѣка Екатерины, онъ имъ памятенъ не по блеску побѣдъ, не по тому могуществу, котораго достигла Россія подъ ея скипетромъ — это удѣлъ исторіи,— но по тому довольству и счастію, которое было разлито рукою мудрой монархини среди всѣхъ состояній народа. Откройте уставы государственные, вы увидите, что надолго Россія будетъ покоиться подъ ея насажденіемъ. Скажу вамъ, г. Полевой, что въ періодѣ времени отъ 1762 до 1797 года, царствовала славно и мудро управляла Россіею императрица Екатерина II Великая, а не Потемкинъ.

Г. Полевой рѣшился сравнить Екатерину съ Петромъ-Великимъ; онъ говоритъ, что Петръ въ дѣлахъ своихъ является геніемъ безпримѣрнымъ, а Екатерина — свѣтлымъ умомъ необыкновеннымъ (стр. 25). Вѣрно ли это опредѣленіе? Петръ дѣйствительно былъ геній безпримѣрный, но и Екатерина знаменита высшею степенью ума человѣческаго — геніемъ. Петръ выше Екатерины силою характера, скажу словами одного изъ нашихъ поэтовъ, желѣзною волею и всеобъемлемостію генія; но за то Екатерина выше Петра благостію, глубиною воззрѣній и вѣрностію взгляда въ выборѣ мѣръ для устройства государственнаго. Петръ имѣлъ свои недостатки, проистекающіе отъ излишества силъ душевныхъ, Екатерина—свои, отъ избытка чувствъ сердечныхъ. Исторія не панегирикъ, сказалъ нашъ знаменитый исторіографъ Карамзинъ: истина великая,— и чѣмъ необъятнѣе геній Петра, тѣмъ осторожнѣе должно разсматривать дѣла его, не увлекаясь ни блескомъ ихъ, ни чувствомъ народнаго самолюбія. Исторія, какъ горнило, должна отдѣлить золото отъ грубыхъ составовъ земли, иначе она не будетъ наукою царей и народовъ, не укажетъ, чему подражать и чего избѣгать въ подражаніи дѣламъ великихъ людей.

(*) Въ Военной-Коллегіи, президентомъ которой былъ Потемкинъ, заключили условіе на поставку для арміи мундирныхъ и амуничныхъ вещей. Послѣ утвержденія этого, явился другой подрядчикъ, предлагая сто тысячъ руб. сер. уступки. Потемкинъ властію своею велѣлъ уничтожить контрактъ съ первымъ поставщикомъ и передать второму. Прокуроръ подалъ протестъ, и Екатерина рѣшила этотъ споръ тѣмъ, что приказала поставку оставить за первымъ подрядчикомъ, и сказала Потемкину при всѣхъ царедворцахъ во время обѣда, что для государства полезнѣе точное исполненіе законовъ, чѣмъ сохраненіе не только ста тысячъ, но и мильйоновъ рублей.

Не пишу исторіи Петра, тѣмъ менѣе — Екатерины, но укажу на нѣкоторыя черты, полагающія рѣзкую противоположность въ ихъ дѣлахъ.

Петръ, видя превосходство умственной жизни европейскихъ народовъ, хотѣлъ вдругъ, силою своей воли, необъятностію своего генія замѣнить для Россіи то, что столѣтія приносили имъ для гражданскаго устройства. Онъ не хотѣлъ понять, что народы имѣютъ свои возрасты, ниспровергъ все свое и хорошее и худое, для того, чтобъ родить новую жизнь, новыя начала по началамъ жизни намъ чуждой, по понятіямъ, еще недоступнымъ его народу. Это дивное созданіе мощнаго генія Петра, какъ насильственное, не могло долго существовать, но начало послѣ его кончины разлагаться и образовать нестройное движеніе. Прочитайте манифестъ императрицы Екатерины I-й отъ 24-го февраля 1727 года (*), вы увидите настоящее положеніе дѣлъ, то состояніе, въ которомъ Петръ оставилъ государство. Екатерина, обожая своего супруга, должна была высказать много горькихъ истинъ, чтобъ оправдать себя предъ потомствомъ.

Напротивъ, Екатерина-Великая, заставъ Россію въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, въ столкновенія новыхъ началъ съ старыми, ничего не уничтожила, ничего не разрушила, но всему дала новую жизнь, новое направленіе, и эта жизнь, это направленіе остались прочны и неколебимы до-сихъ-поръ и надолго останутся такими. Какая же этому причина? Петръ бралъ начала своему творенію изъ уставовъ Швеціи, Пруссіи (думалъ даже и гражданскіе законы образовать по ихъ началамъ) и другихъ государствъ, чуждыхъ намъ по вѣрѣ, по духу, по свойству и образованію: Екатерина всѣ матеріалы для своего созданія взяла изъ жизни своего народа; видя необходимость исправленія и не довѣряя ни своему генію, ни великимъ умамъ, тронъ ея окружавшимъ, она обратилась къ народу, созвала депутатовъ съ наказами отъ всѣхъ сословій и изъ нихъ узнала нужды, увидѣла недостатки своего государства и средства къ ихъ исправленію. Петръ оставилъ намъ армію и флотъ, — залогъ побѣды и славы, Екатерина — устройство государственное, причину блага и могущества Россіи. Крутыя и несвоевременныя перемѣны и предпріятія Петра истощали государство (**), истребляли народонасе-

---

(*) «Полное Собраніе Законовъ», т. VII, № 5017. Всѣ факты съ годами и числами помѣщенные въ слѣдующихъ примѣчаніяхъ находятся въ «Полномъ Собраніи Законовъ».

(**) Вотъ начало манифеста 27-го февраля 1727 года: «Что не только крестьяне, на «которыхъ содержаніе войска положено, въ великой скудости обрѣтаются и отъ «великихъ податей и непрестанныхъ экзекуцій и другихъ непорядковъ въ крайнее «разореніе приходятъ, но и другія дѣла, яко коммерція, юстиція и монетные дворы «весьма въ слабомъ состояніи и все это скорѣйшаго поправленія требуетъ». Чтобъ постичь истину этихъ словъ, надо взглянуть на систему сборовъ, бывшую при Петрѣ-Великомъ: на каждый предметъ, на каждую встрѣтившуюся потребность и даже прихоть, опредѣлялся особый сборъ со всего государства, или нѣкоторыхъ сословій; на-примѣръ, на построеніе какого-либо зданія, на перемѣну мундировъ въ артиллеріи, назначался сборъ особый. Эти сборы хлѣбомъ и деньгами назначались, можно сказать, еженедѣльно и сопровождались тяжкими экзекуціями отъ посланныхъ офицеровъ и солдатъ; потому-что мѣры гражданскаго взысканія, при всей ихъ строгости, оказывались недостаточными. Наконецъ, это достигло до того, что уже нельзя было собрать ни денегъ, ни хлѣба, и въ 1710 году сентября 17-го состоялось

леніе; природные жители бросали кровъ родной и далеко бѣжали отъ родины (*).

Мудрость Екатерины разлила повсюду довольство, заселила степи, и тамъ, гдѣ ковыль игралъ съ вѣтромъ, возникли города и села; чуждыя намъ племена толпами стекались подъ благотворный кровъ монархіи.

Петръ желалъ, пламенно желалъ просвѣщенія своего народа; но заводя академіи, какъ представителей высшей степени просвѣщенія народнаго, бросая сѣмена образованія въ высшіе классы, не только не заботился разлить его въ низшихъ слояхъ общества, но нѣкоторымъ образомъ разрушалъ его. Въ 1714 году, августа 18 приказано было собрать одного изъ четырехъ грамотныхъ со всего государства. Надо вообразить какой ударъ нанесло это повелѣніе грамотности народной, когда не далѣе, 25 лѣтъ назадъ, рекрутъ, поступившихъ на службу, оплакивали, какъ умершихъ кровныхъ (**). Въ чемъ же состояло просвѣщеніе того времени?—Высшее сословіе надѣло французскій кафтанъ и парикъ, приняло наружные иностранные пріемы и внутренніе пороки, танцовало въ асамблеяхъ,сохраняя всю грубость и невѣжество отцовъ своихъ! (***)

повелѣніе привезти изъ Сибирской-Губерніи 13219 четвертей провіанта въ Петербургъ по зимнему пути. Въ 1718 году, опредѣлено было собрать вмѣсто недоимочныхъ и бѣжавшихъ рекрутъ по 20 рублей на человѣка; было исчислено 901,454 руб. и при всей строгости могли собрать 129,270. Одинъ изъ городовъ, по исчисленію, платилъ подушины въ годъ 4,680 руб., но могъ вносить только 370 руб. Это состояніе государства произвело и другое зло, — зло взысканія недоимокъ при Биронѣ. Кровь лилась, тысячи гибли въ мукахъ, и государство доведено было до крайней степени разоренія. Такъ зло переживаетъ насъ. Конечно, гробы безмолвны; но исторія, свѣтильникомъ истины озаряя мракъ могилъ, должна вопросить почившія въ нихъ поколѣнія: какъ они жили, что чувствовали въ жизни.

(*) Изъ опредѣленія о сборѣ рекрутъ 1711 г. іюля 30-го видно, что въ 1710 году противъ переписей 1707, 1708 и 1709 годовъ въ одной Ингерманландской-Губерніи (Санктпетербургской) оказалось 72,183 двора опустѣвшихъ безъ жителей (всѣхъ дворовъ было 178,160); слѣдовательно, въ-теченіе трехъ лѣтъ исчезла почти половина народонаселенія, хотя въ эти годы война не касалась предѣловъ губерніи. Съ 1702 года для построенія Петербурга сбиралось до 32,000 работниковъ; слѣдовательно, въ-теченіи пятнадцати лѣтъ было собрано до 500,000 человѣкъ. На содержаніе этихъ работниковъ въ-теченіи пятнадцати лѣтъ собрано болѣе 3,000,000 руб. серебромъ. Въ 1717 году, въ ноябрѣ прекращенъ былъ сборъ работниковъ натурою, а велѣно было взимать по шести рублей за человѣка. По переписи 1711 года считалось въ государствѣ 812,131 дворъ; полагая въ каждомъ дворѣ мужескаго пола по три человѣка, выйдетъ, что все населеніе государства состояло изъ 2,500,000 мужеска пола душъ. Полагая, что ежегодно для арміи и флота сбиралось 50,000 человѣкъ, что составитъ въ-теченіи двадцати-пяти лѣтъ безпрестанныхъ войнъ около мильйона; присоедините къ этому 500,000 работниковъ, — что останется въ селеніяхъ? Старый и малый! Въ какомъ же положеніи должны быть финансы того времени, когда всѣ производительныя силы государства или сражались, или строили Петербургъ! Многіе съ восторгомъ восклицаютъ: Петръ велъ тяжкія войны, имѣлъ всегда деньги и не оставилъ ни копейки государственнаго долга! Надо спросить у народа: что онъ терпѣлъ? что онъ выстрадалъ и перенесъ отъ мудрой финансовой мѣры того времени?

(**) Что же было въ то время, когда не было въ войскахъ отставокъ?

(***) Намъ кажется, что почтенный авторъ статьи при этомъ рѣзкомъ приговорѣ мало обращаетъ вниманія на эпохи, въ которыя дѣйствовали Петръ и Екатерина, на борьбу, которая предстояла первому, и на спокойствіе, съ которымъ могла дѣйствовать вторая. Между дѣйствіями Петра и Екатерины лежитъ полвѣка; а если взглянуть на Россію въ томъ видѣ, какъ считалъ ее Петръ, и на Россію, какъ приняла Екатерина, то можно подумать, что между этими двумя эпохами протекли столѣтія. Тутъ собственно и сравненія быть не можетъ! *Ред.*

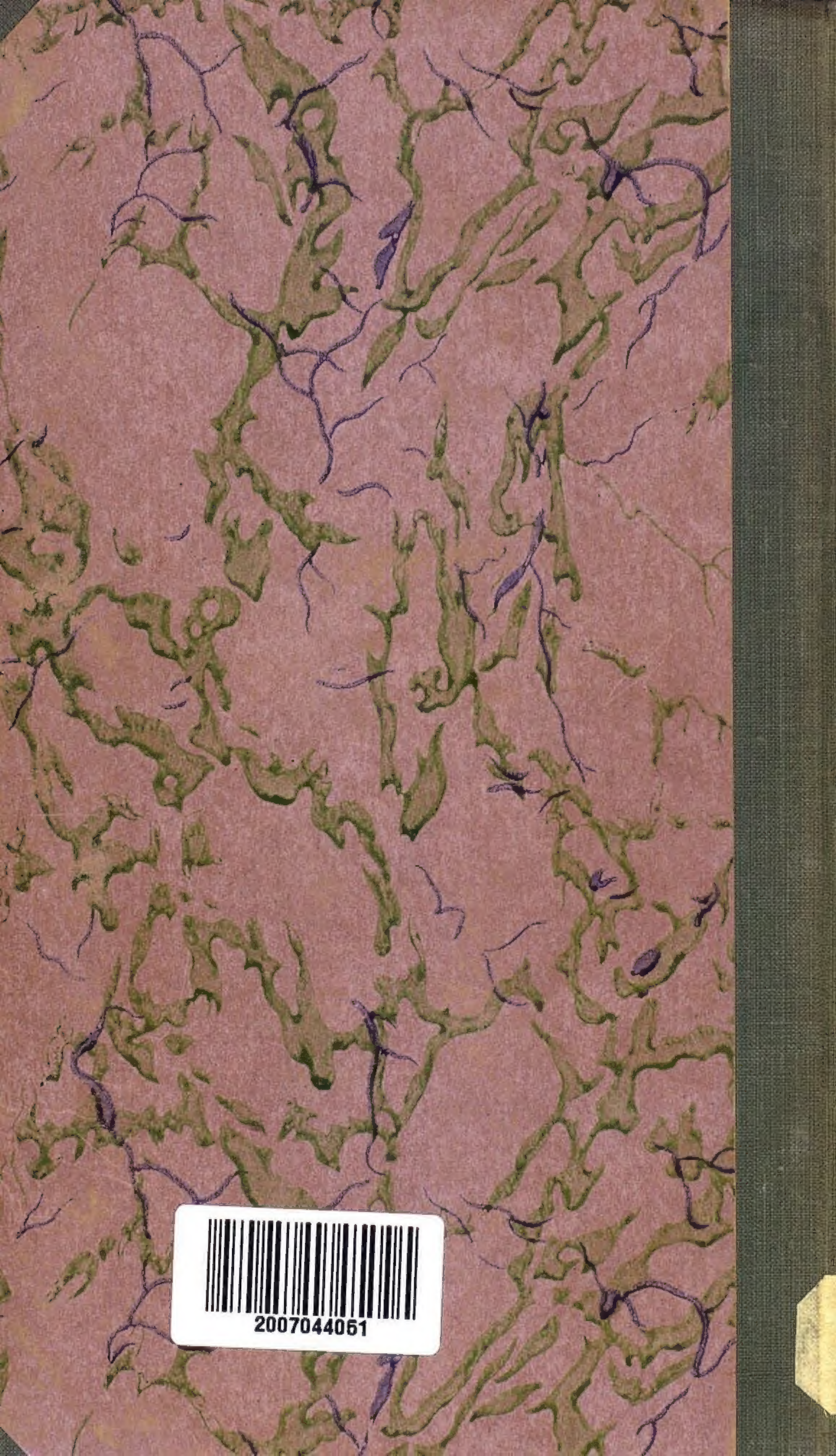
Екатерина постигла непрочность этого образованія; она учредила гимназіи и приходскія народныя училища, стараясь разлить въ государствѣ просвѣщеніе путемъ болѣе-дѣйствительнымъ и прочнымъ. Она думала, что просвѣщеніе, соединенное съ вѣрою и преподаваемое служителями алтарей (*), есть лучшій двигатель народнаго образованія. И дѣйствительно, не этимъ ли путемъ шло просвѣщеніе народовъ древняго міра; не такъ ли оно разливалось среди поколѣній, на ихъ могилахъ жившихъ и живущихъ? Александръ-Благословенный, проникнутый благостію и духомъ великой бабки своей, поддержалъ, упрочилъ и развилъ твореніе Екатерины. Только совокупныя и постоянныя усилія этихъ необыкновенныхъ государей могли дать другое направленіе просвѣщенію, болѣе общее и болѣе истинное. Петръ преобладалъ на сѣверѣ, Екатерина первенствовала въ дѣлахъ всей Европы, и Англія, эта гордая владычица морей, должна была смириться предъ ея геніемъ. Вникните въ событія и нашего времени,—вы увидите, что геній Екатерины былъ невидимый дѣятель и помощникъ Александру I-му въ борьбѣ съ Наполеономъ. Она, раздвинувъ предѣлы имперіи до Нѣмана, дала ему средство похоронить французскую армію въ нѣдрахъ земли русской. Екатерина оставила Россію, устроенную и благоденствующую внутри, страшную могуществомъ внѣ, и гдѣ предѣлы возрастанію этого колосса! Почтите, г. Полевой, Екатерину свѣтлымъ, благимъ геніемъ, геніемъ вѣковъ и человѣчества. Повторю еще: міръ не видалъ государя, подобнаго Петру-Великому; это исполинъ между владыками земными. Но много ли было и Екатеринъ?—Одна!

Возражая противу нѣкоторыхъ приговоровъ г. Полеваго, я отдаю справедливую дань его неоспоримымъ дарованіямъ и его трудамъ, имѣющимъ въ себѣ много прекраснаго.

Н. КУТУЗОВЪ.

(*) Мысль Екатерины была, чтобъ въ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ преподавалась медицина, приспособленная къ народнымъ болѣзнямъ, хотѣла соединить врачеваніе душевныхъ недуговъ съ тѣлесными. Если бъ къ этому прибавить практическое сельское хозяйство, тогда бъ произошли неисчислимыя пользы для государства.

(Изъ «Отечественныхъ Записокъ» 1845 г. № 3.)

2007044051